

011

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ

XXIV

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ДРАЦА

1854

ДЕЛЬВИГЪ.

(ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ СОЧИНЕНІЯ НЕМЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО И ДЕЛЬВИГА. ИЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.)

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ (*).

V.

Дружба Дельвига съ Пушкинымъ: ихъ неизданная переписка, вліяніе другъ на друга и степень взаимной довѣренности. — Женитьба Дельвига. — Литературныя собранія въ его домѣ. — Альманахи: «Съверные Цвѣты» и «Подсѣжники». — Изданіе стихотвореній Дельвига. — Журнальныя выходки противъ поэта. — Его участіе въ чужихъ альманахахъ. — «Литературная Газета.» — Причины ея основанія. — Возбужденная ею полемика. — Литературныя слетни. — Смерть Дельвига и произведенное ею впечатлѣніе.

Двухлѣтнее уединеніе Пушкина въ Михайловскомъ (1824—1826 г.), незабвенное уединеніе, которому русская литература обязана своими лучшими произведеніями, не разъ было оживляемо пріѣздомъ людей близкихъ поэту, и въ томъ числѣ Дельвига. Прежде всего Пушкинъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего лицейскаго товарища И. И. Пущина. Послѣ него посѣтили поэта князь А. М. Горчаковъ (нынѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Виртембергскомъ дворѣ), и Дельвигъ. Послѣдній ѣздилъ въ Михайловское весною 1825 года, и провелъ тамъ нѣ-

(*) Первые двѣ статьи напечатаны въ февральской и майской книжкахъ «Современника» 1853 года, а третья въ январьской книжкѣ пятилѣтняго года.

сколько дней, оставившихъ въ сердцѣ Пушкина самое отрадное воспоминаніе (1). Великій поэтъ, неожиданно переселившись въ новое уединеніе, готовился издать собраніе своихъ «Стихотвореній», которое и явилось въ 1826 году. Въ этихъ приготовленіяхъ, не прерывавшихъ и другихъ многочисленныхъ занятій поэта, засталъ его Дельвигъ. По свидѣтельству знавшихъ того и другого, Пушкинъ совѣтовался въ настоящемъ случаѣ съ Дельвигомъ, дорожа его мнѣніемъ и вполне довѣряя его вкусу. Въ этихъ литературныхъ бесѣдахъ, чтеніяхъ и спорахъ проходило почти все утро. Послѣ нѣсколькихъ партій на бильярдъ и поздняго обѣда друзья отправлялись въ сосѣднее село Тригорское, принадлежащее П. А. Осиповой, и проводили вечеръ въ ея умномъ и любезномъ семействѣ. Многія черты этой деревенской жизни перенесены Пушкинымъ въ IV главу «Евгенія Онѣгина» (строфы XXXVII — LI). Онѣгинъ и Ленскій, съ ихъ дружескими спорами, шумными обѣдами вдвоемъ и поѣздками къ сосѣдкамъ, невольно напоминаютъ нашихъ поэтовъ, и сходство это тѣмъ замѣтнѣе, что Дельвигъ, какъ и Ленскій, былъ уже тогда женихомъ. Онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ стихотвореніи, написанномъ тогда же въ альбомъ одной изъ дочерей П. А. Осиповой, Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ, напечатанномъ (подъ заглавіемъ «Въ альбомъ А. Н. В—фъ») въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 329) и перепечатанномъ въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній (въ первомъ на стр. 27, а во второмъ на стр. 17).

(1) Л. С. Пушкинъ въ своемъ *Биографическомъ извѣстіи* объ А. С. Пушкинѣ (Москвитянинъ 1853 года, № 10, отд. I) говоритъ: «Тригорское и Михайловское оживились пріѣздомъ изъ Дерпта двухъ тамошнихъ студентовъ: А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Языковъ пріѣхалъ на поэтической зовъ Пушкина: «Издревле сладостный союзъ» и пр. *Потомъ* онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего друга барона Дельвига.» (Стр. 57 — 58) Эти свѣдѣнія неутверждены: Дельвигъ ѣздилъ въ Михайловское весною 1825 года, а Языковъ лѣтомъ 1826, незадолго до перѣзда Пушкина въ Москву, какъ сообщилъ намъ пріятель Языкова А. Н. Вульфъ, который и привезъ Языкова въ Михайловское. Это доказывается и стихотвореніями Языкова, написанными въ 1826 году. Л. С. Пушкинъ говоритъ далѣе въ своемъ очеркѣ, что «болѣе никого или почти никого Пушкинъ не видалъ во все время своей деревенской жизни» (стр. 58.) Это также не вѣрно. Кромѣ Дельвига и Языкова къ Пушкину пріѣзжали, какъ мы сказали, двое лицейскихъ его товарищей, о чемъ онъ упоминаетъ въ стихотвореніи «19 октября 1825», отрывокъ изъ котораго слѣдуетъ ниже. Кромѣ того Пушкинъ въ неизданномъ письмѣ къ Р. изъ деревни отъ 25 января 1825 года, о которомъ упоминается въ замѣчаніяхъ на статью Л. С. Пушкина (Отечественныя Записки 1853 года, № 7, Журналистика), говоритъ: «Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ «Цыгановъ.» Невѣрность извѣстій, сообщаемыхъ братомъ поэта, объясняется тѣмъ, что въ то время онъ, какъ сообщилъ намъ А. Н. Вульфъ, былъ далеко отъ упомянутыхъ лицъ, участвуя въ персидской кампаніи.

Вотъ окончаніе этого посланія, въ которомъ отчасти высказываются впечатлѣнія пребыванія Дельвига въ Михайловскомъ:

«Всегда въ пути моемъ тяжелою
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютѣ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила,
И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчесвенно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣсню своей.

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, Пушкинъ, празднуя въ своемъ уединеніи лицейскую годовщину (19 октября), вспоминалъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній объ этомъ свиданіи съ товарищами. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія съ означеніемъ пропущенныхъ во всѣхъ его изданіяхъ фамилій лицъ, къ которымъ обращается Пушкинъ:

«И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ,
О, *Пушкинъ* мой, ты первый посѣтилъ;
Ты уладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ.
Ты, *Горчаковъ*, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ, — фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ, —
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурю главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О, *Дельвигъ* мой: твой голосъ пробудилъ

Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.* (2)

Эти трогательныя строки представляютъ самое убѣдительное доказательство глубокаго уваженія великаго поэта къ слабому таланту Дельвига, уваженія, объяснимаго только пристрастіемъ дружбы.

Дельвигъ, проведя въ Михайловскомъ нѣсколько дней, возвратился въ Петербургъ, призываемый дѣлами, и въ томъ числѣ приготовленіями къ своей женитьбѣ. Онъ былъ помолвленъ съ Софьей Михайловной Салтыковой, единственною дочерью бывшаго попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, дѣйствительнаго камергера и сенатора Михаила Александровича Салтыкова, умершаго года два тому назадъ въ Москвѣ. М. А. Салтыковъ, начавшій службу еще въ царствованіе Екатерины, былъ въ свое время извѣстенъ быстрыми служебными повышеніями. Поступивъ въ 1787 году въ военную службу въ чинѣ поручика, онъ въ теченіи двухъ лѣтъ дослужился до майора, а въ 1794 произведенъ въ подполковника. Онъ находился при князѣ Потемкинѣ, и участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ. Въ 1796 году онъ вышелъ въ отставку, въ которой находился до 1801; въ этомъ году, тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, пожалованъ въ званіе дѣйствительнаго камергера и причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а въ 1812 году назначенъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа. Салтыковъ былъ чрезвычайно любезенъ, зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и былъ вполне свѣтскимъ человѣкомъ. Рано овдовѣвъ, онъ имѣлъ только двоихъ дѣтей, Михаила, и послѣ него Софью, которая 19-ти лѣтъ вышла замужъ за Дельвига, — теперь же въ замужствѣ за С. А. Баратынскимъ, братомъ поэта.

(2) Изъ стихотворенія «19 октября 1825», напечатаннаго въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 342 — 348) и въ III томѣ «Сочиненій» Пушкина (стр. 16—22). Въ переводѣ этого стихотворенія на французскій языкъ (Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, traduites par H. Dupont, t. II, стр. 240) вмѣсто фамилій Пушкина и Дельвига сказано *mon O****, безъ сомнѣнія по ошибкѣ переводчика, принявшаго восклицанія поэта O***, за начало фамиліи.

Вѣроятно, благодаря этому новому положенію Дельвига, Пушкинъ долго не получалъ отъ него ни строки, и снова начиналъ жаловаться на его молчаніе, какъ свидѣтельствуемъ неизданное письмо его къ Дельвигу отъ 8 іюня 1825 года (3). Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ великій поэтъ увѣдомляя Дельвига, что по его отъѣздѣ онъ перечелъ всего Державина, высказываетъ свое окончательное мнѣніе о его произведеніяхъ (4). Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ поздравляетъ своего друга съ предстоящей ему женитьбой, и желаетъ ему быть счастливымъ.

(3) Это любопытное письмо, также какъ и пять другихъ писемъ Пушкина къ Дельвигу, упоминаемыхъ вслѣдъ за этимъ, были сообщаемы автору предлагаемой статьи П. В. Анненковымъ. Печатать ихъ не имѣемъ права, и потому, по необходимости, ограничиваемся изложеніемъ ихъ содержанія.

(4) Критическіе вопросы постоянно занимали Пушкина, и едва ли кто разрѣшалъ ихъ съ болѣею ясностью, самостоятельностью и простотою. Мѣсяца за три до упомянутаго письма Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго же (отъ 24 марта 1825 г.) къ Б., опровергая нѣкоторыя мнѣнія въ его «Взглядѣ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и началъ 1825 годовъ», напечатанномъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ, (стр. 1—23). Въ этомъ неизданномъ письмѣ Пушкинъ высказываетъ, между прочимъ, нѣсколько мыслей о Державинѣ, предшествовавшихъ окончательному о немъ сужденію, которое ставится еще любопытнѣе по сличенію съ предшествовавшимъ ему взглядомъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ Б.:

«У насъ есть критика и нѣтъ литературы. Гдѣ же ты это нашелъ? Имено критики у насъ и не достасть. Отселъ репутаціи Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта: онъ повялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго, — вотъ его главная услуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, донинѣ еще не оцененъ. Ода «Къ Фелицѣ» стоитъ наряду съ «Вельможей». Ода «Богу» съ олою «На смерть Мещерскаго»; ода «Къ Зубову» недавно открыта. Князю безмятежно ползаетъ своею славою; Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитриевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который столь уже выше Лавонога, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо.»

«Отъ чего у насъ нѣтъ гениевъ и мало талантовъ? Во первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ.»

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу. Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитриевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній. Отъ этого онъ еще не ниже другаго. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гвидичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой полвигъ. Посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго, и не говорю слава Богу.»

«Ободреніе можетъ открыть только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои трагедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тарнополь — плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго гения, обязанъ бытіемъ своимъ

Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 года ⁽⁵⁾. По этому случаю Дельвигъ получилъ отъ Баратынскаго слѣдующее посланіе, пропущенное въ собраніи его стихотвореній:

«Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ
Безстыдныхъ, бѣшеныхъ, но добрыхъ шалуновъ,
Съ безчинствомъ дружескимъ веселыхъ ихъ пировъ,
И съ нашимъ счастьемъ вольводумнымъ.
Благовоспитанный степенный Гименей

Пристойно замѣнилъ проказника Амура,
И вѣтреныхъ подругъ, и вѣтреныхъ друзей,
И сластолюбца Эпикура,» и проч. ⁽⁶⁾

Въ это время Пушкинъ жилъ еще въ Михайловскомъ. До 1827 года, то есть до возвращенія своего въ Петербургъ, онъ не былъ знакомъ съ баронессой, судя по неизданному письму его къ Дельвигу, въ которомъ онъ, снова жалуясь на долгое молчаніе Дельвига, поздравляетъ его съ женитьбой, и проситъ рекомендовать его баронессѣ

Со времени женитьбы Дельвига, у него учредились по середамъ и воскресеньямъ литературныя собранія ⁽⁷⁾. «Баронъ Дельвигъ, по заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха. Державину покровительствовали три царя. Ты не то скажешь, что хотѣлъ. Я буду за тебя говорить.»

Замѣтимъ, что возраженія эти писаны отъ 24 марта, т. е. до выхода въ свѣтъ «Полярной Звѣзды», подписанной цензоромъ только 20 марта, и вышедшей, какъ сказано въ предъидущей статьѣ (стр. 52), уже въ апрѣль. Эта кажущаяся съ перваго взгляда несообразность чиселъ объясняется тѣмъ, что «Взглядъ на Русскую Словесность», былъ доставленъ Пушкину въ листкахъ, до выпуска въ свѣтъ альманаха.

⁽⁵⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

⁽⁶⁾ Стихотвореніе это напечатано въ «Сиріусѣ», собраніи сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, изданномъ въ 1826 году М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ (кн. I, стр. 76) подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ NN на другой день его свадьбы», съ подписью *Баратынскій*, и перепечатано въ «Славянинѣ», военно-литературномъ журналѣ А. Ф. Восойкова (1830 г. часть вторая, № XV, стр. 77) подъ заглавіемъ «Къ Д...» на другой день послѣ (?) его женитьбы», безъ перемены съ тою же подписью.

Въ «Сиріусѣ» напечатано посланіе Бестужева-Рюмина «Къ Б...ву» (стр. 149), напоминающее слѣдующими строками только-что приведенное стихотвореніе:

«Не внемля дружескимъ совѣтамъ,
Ужъ ты рѣшился наковецъ,
Во предъ цвѣтущимъ жизни лѣтамъ,
Пріять супружескій вѣнецъ.
Не внявъ друзей мольбѣ сердечной,
Ужъ ты рѣшился,овъ,
Покинуть, кажется, на вѣчно
Семью беспечныхъ шалуновъ!»

⁽⁷⁾ Дельвигъ жилъ тогда въ Большой Милліонной, въ домѣ г-жи Эбелинъ, какъ видно изъ адреса на одномъ изъ писемъ къ нему Пушкина.

свидѣтельству П. А. Плетнева («Литературная Газета» 1831 года, т. III, № 4, «Некрологія», стр. 32), любилъ общество, но дружеское, но избранное, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ нелестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Отъ того иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безпечности, такъ-что отъ одного присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его никто никогда не примѣчалъ переменъ на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души ⁽⁸⁾. Свидѣтельство П. А. Плетнева подтверждается и всѣми знавшими лично поэта. «Баронъ — пишетъ намъ М. А. Максимовичъ — былъ удивительно хорошъ и въ пирушкахъ, когда бѣвалъ онъ *Друзья, друзья! я Несторъ между вами*, и въ домашнемъ быту.... Словомъ, это была вполне поэтическая симпатичная натура, въ которой многосторонняя жизнь прекрасно слилась въ стройное, спокойное единство». На этихъ дружескихъ вечерахъ, быть можетъ, еще памятныхъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, встрѣчались Крыловъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Измайловъ, Сомовъ, П. Яковлевъ (болѣе извѣстный подъ именемъ *Лужницкаго старца* — псевдонимъ, подъ которымъ скрывался и Каченовскій), кн. Вяземскій, Плетневъ; многіе изъ лицейскихъ товарищей Дельвига: Иличевскій, М. Л. Яковлевъ, М. Д. Деларю, кн. Д. А. Э., и многіе другіе. Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего времени, М., оживлялъ эти бесѣды своими чудными разсказами, о которыхъ такъ трогательно вспоминаетъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Сочиненія А. Пушкина», т. IX, стр. 171). Молодые, только-что начинавшіе таланты, находили у Дельвига самый радушный, ободрительный пріемъ. Въ этомъ обществѣ явился, на самое короткое время, Веневитиновъ, такъ рано похищенный у русской литературы. Онъ особенно сочувствовалъ Дельвигу, и бывалъ у него

⁽⁸⁾ Эти черты характера Дельвига повторены и въ біографіяхъ его: въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» А. Плюшара (т. XVII, стр. 435), составленной Н. В. С. (Савельевымъ-Ростиславичемъ) и, по ошибкѣ, не указанной въ первой статьѣ предлагаемаго труда, и въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній» 1840 года (выпускъ первый, стр. 43).

почти каждый день ⁽⁹⁾. Въ этотъ же кружокъ введены были А. И. Подолинскій, баронъ Розенъ, В. Н. Щастный, и нѣсколько позже Гоголь ⁽¹⁰⁾. По смерти Дельвига эти литературныя собранія перенесены къ П. А. Плетневу, гдѣ продолжаютъ и до сихъ поръ въ тѣ же самые дни.

Всѣ эти лица принимали дѣятельное участіе въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», которые издавались Дельвигомъ ежегодно по книжкѣ. Полное изданіе альманаха, продолжавшееся съ 1825 по 1832 годъ, состоитъ изъ восьми книжекъ, изъ которыхъ послѣдняя издана Пушкинымъ по смерти Дельвига. Со второй книжки альманахъ уже не имѣлъ опаснаго соперничества: «Полярная Звѣзда» съ 1825 года прекратилась, а «Невскій Альманахъ», вступавшій также во второй годъ своего существованія, пользовался гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты». Другіе же альманахи 1826 года: «Московскій альманахъ» Сергѣя Глинки, «Уранія» М. П. Погодина, «Сириусъ» М. Бестужева-Рюмина и «Календарь Музъ» А. Измайлова не могли соперничать съ альманахомъ Дельвига. Можетъ быть этотъ недостатокъ соревнованія былъ причиною поздняго выхода второй книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», явившихся только къ апрѣлю, и несовсѣмъ строгаго выбора произведеній, особенно въ прозаической части альманаха.

Не будемъ распространяться теперь объ этомъ изданіи. «Сѣверные Цвѣты», какъ сборникъ, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ личности Дельвига, которая выражалась въ нихъ развѣ только случайно и весьма незначительнымъ образомъ; притомъ же подробное и обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ книжекъ альманаха отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета, а обзорѣніе поверхностное было бы бесполезно. Поэтому современемъ постараемся посвятить отдѣльную статью подробному разсмотрѣнію «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»; теперь же скажемъ объ этомъ изданіи по мѣрѣ того, на сколько оно касается личности Дельвига.

⁽⁹⁾ Веневитиновъ умеръ 15 марта 1827 года, на 22 году отъ рожденія. Дельвигъ написалъ на смерть его стихотвореніе («На смерть В...ва»), напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 24) и перепечатанное безъ перемѣнъ въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній, (въ первомъ стр. 23—24, а въ смірдинскомъ стр. 15—16). В. Туманскій также написалъ два стихотворенія «Въ память Веневитинова» (Московскій Вѣстникъ 1827, часть третья, № XII, стр. 318); его же памяти (В...ва) посвящено стихотвореніе М. Д. Деларю «Могила поэта» (Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ, стр. 80) и нѣсколько стиховъ въ статьѣ Трилувнаго о «Сочиненіяхъ» Веневитинова (Литературная Газета 1831 года, т. III, № 22, стр. 177).

⁽¹⁰⁾ Свѣдѣнія объ этихъ литературныхъ собраніяхъ сообщены барономъ А. И. Дельвигомъ.

Во второй книжкѣ альманаха Дельвигъ напечаталъ слѣдующія стихотворенія: «Въ альбомѣ С. Г. К—ой» (стр. 14), «Н. И. Гнѣдичу» (стр. 55), «Мы» (стр. 66), «Эпитафія» (стр. 66), «Луна» (стр. 105), русскую пѣсню: «Соловей мой, соловей» (стр. 127—128) и «Двѣ звѣздочки» (стр. 129—131) ⁽¹¹⁾.

Съ третьей книжки альманаха Дельвигъ принялъ на себя и всѣ издержки и хлопоты по его изданію. По безпечности и лѣности новаго издателя, книжка также явилась поздно, и прозаической отдѣлъ ея также блѣденъ; но въ отдѣлѣ поэзіи напечатано нѣсколько лучшихъ стихотвореній Пушкина.

Изъ стихотвореній Дельвига въ этой книжкѣ альманаха напечатаны: «Дионисамъ» на пріѣздъ трехъ друзей (стр. 302—303), который приведенъ и объясненъ во второй статьѣ нашего труда (стр. 39—40), идиллія «Друзья» стр. 311—316), «Въ альбомѣ А. Н. В—фъ» (стр. 329), стихотвореніе, о которомъ уже сказано выше, и «Геній-Хранитель» (стр. 339—341) ⁽¹²⁾.

Все лѣто 1827 года Дельвигъ провелъ въ Ревелѣ, по болѣзни своей жены, которая пользовалась тамъ морскими ваннами ⁽¹³⁾. Не знаемъ много ли и что именно написалъ Дельвигъ въ то лѣто, но впечатлѣнія поѣздки замѣтны только въ сонетѣ русскому флоту, написанномъ подъ влияніемъ величественнаго зрѣлища морскихъ маневровъ ⁽¹⁴⁾.

Между тѣмъ Пушкинъ, получивъ въ началѣ сентября 1826 года разрѣшеніе пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ, уѣхалъ въ Москву, и проведя тамъ нѣсколько дней, возвратился въ Михайловское, а въ концѣ ноября снова переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ всю зиму и весну. Въ маѣ 1827 года ему разрѣшено пребываніе въ обѣихъ столицахъ, и Пушкинъ отправился въ Петербургъ. Въ іюлѣ онъ былъ уже снова въ Михайловскомъ, и вотъ что писалъ оттуда къ Дельвигу:

⁽¹¹⁾ Два изъ этихъ стихотвореній, именно: «Н. И. Гнѣдичу» и «Луна» напечатаны съ подписью — Д —. Остальные пять явились съ полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*). Всѣ они напечатаны въ обоихъ собраніяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 29, 25, 104, 26, 36, 32 и 17, а во второмъ (смірдинскомъ) на стр. 19, 16, 77, 17, 24, 21 и 10).

⁽¹²⁾ Всѣ эти стихотворенія, напечатанные въ альманахѣ за полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*), помѣщены въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 101, 113, 27 и 20, а во второмъ на стр. 75, 84, 17 и 12).

⁽¹³⁾ Изъ формулярнаго списка Дельвига видно, что онъ былъ въ отпуску четыре мѣсяца съ 31 мая 1827 года.

⁽¹⁴⁾ Сонетъ этотъ, написанный въ іюлѣ 1827 года, и принадлежавшій къ посмертнымъ произведеніямъ Дельвига, напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ (стр. 6) и въ смірдинскомъ изданіи его стихотвореній (стр. 152).

«Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя (16). Теперь у тебя отрывокъ изъ «Онѣгина», отрывокъ изъ «Бориса», а эта пьеса (16). Постараюсь прислать еще что-нибудь (17). Вспомни, что у меня на рукахъ «Московскій Вѣстникъ», и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя проза, и что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати: Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ»: (18)... Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ, я ей кланяюсь. Пиши же.»

31 іюля. Михайловское (19).

Вообще Пушкинъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи четвертой книжки альманаха (на 1828 годъ), и, благодаря

(16) Элегія эта («Полю небомъ голубымъ страны своей родной») напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 51) и въ собраніи «Сочиненій» Пушкина въ числѣ пропущенныхъ стихотвореній (т. IX, стр. 466). Нѣтъ сомнѣній, что стихотвореніе это, по содержанию, принадлежитъ къ воспоминаніямъ жизни Пушкина въ южной Россіи, и, по всей вѣроятности, имѣетъ близкую связь съ двумя другими его стихотвореніями: «Разставаніе» (т. IX, стр. 160) и «Закланіе» (т. IX, стр. 164—165). Быть можетъ, къ тому же лицу относится и сонетъ В. Тумаскаго «На кончину Р...», посвященный Пушкину и написанный въ 1825 году въ Одессѣ («Сѣверная Лира на 1827 годъ», изд. Ранчезъ и Ознобищинымъ, стр. 153—154). Не относятся ли эти стихотворенія къ извѣстной одесской красавицѣ, женѣ негодника Ризничъ, о которой говоритъ профессоръ К. П. Зеленскій въ «Замѣткахъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ» (Москвитинъ 1854, № 9, Слѣсъ, стр. 41)? Элегія Пушкина переведена на французскій въ прозѣ (очень невѣрно и дурно) въ «Le Furet, journal de littérature et des théâtres», 1830 г., № 12, въ письмѣ: «Une dame de Pétersbourg à une de ses amies de Moscou» (стр. 46), гдѣ между прочимъ сказано нѣсколько словъ и о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ.

(16) Отрывка изъ «Онѣгина» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ нѣтъ; отрывокъ же изъ «Бориса» (сцена на литовской границѣ) напечатанъ на стр. 25—27.

(17) Пушкинъ доставилъ въ послѣдствіи для четвертой книжки альманаха «Графа Нулина» (стр. 1—18), повѣсть, напечатанную въ томъ же году отдѣльно и явившуюся въ 1828 году въ одной книжкѣ вмѣстѣ съ повѣстью Баратынскаго «Балъ»; «Ангела» (стр. 49—60), о которомъ сказано нѣсколько словъ въ «Furet» 1830 года (№ 12, стр. 46) въ статьѣ названной выше, и «Черепъ» (стр. 100—107), о которомъ мы уже говорили въ первой статьѣ нашего труда (стр. 58—62).

(18) Пушкинъ говоритъ, вѣроятно, о статьѣ, напечатанной подъ заглавіемъ: «Встрѣча съ Карамзиннымъ» въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ», альманахѣ на 1828 годъ (стр. 150—164). О ней уже сказано въ третьей статьѣ нашего труда (стр. 22—23).

(19) Это неизданное письмо, такъ же, какъ и два слѣдующихъ ниже, сообщено (въ копіи) автору предлагаемой статьи, чрезъ посредство Д. И. Мацкевича, В. И. Щастина, который по смерти Дельвига разбиралъ его бумаги.

этому участію, «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ были составлены удачнѣе прежнихъ. Кромѣ названныхъ выше статей, кромѣ стихотвореній Батюшкова, Крылова, Гнѣдича, Козлова, Баратынскаго, Языкова и Подолинскаго, въ этой книжкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія» (стр. 208—226), статья неподписанная, но, какъ извѣстно, принадлежащая Пушкину, и пропущенная въ собраніи его «Сочиненій». Дельвигъ, по скромности, исключилъ въ ней мнѣніе великаго поэта о его идилліяхъ, которое будетъ напечатано въ слѣдующей статьѣ, при разборѣ сочиненій Дельвига.

Изъ стихотвореній Дельвига въ этой книжкѣ напечатаны: «На смерть В...ва» (стр. 24), «На смерть собачки Амики» (стр. 65—67), «Отвѣтъ» (стр. 86—88), о которыхъ мы уже говорили; «Утѣшеніе» (стр. 93), *Идиллія*: «Нѣкогда Титиръ и Зоя» (стр. 94), *Эпиграмма*: «Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули» (стр. 95) и «Смерть» (стр. 96) (20).

Книжка даже явилась ранѣе двухъ предшествовавшихъ, къ новому году, потому что Дельвигъ, потерявъ всякую надежду на свое трудолюбіе и аккуратность, пригласилъ въ товарищи по изданію альманаха О. М. Сомова, бывшаго вполнѣдствіи его товарищемъ и по изданію «Литературной Газеты». Покойный Сомовъ, какъ уже сказано во второй статьѣ о Дельвигѣ (стр. 38), находился нѣкоторое время въ отношеніяхъ не дружественныхъ къ нашему поэту: Сомовъ участвовалъ до 1826 года въ «Благонамѣренномъ», въ которомъ безпрестанно являлись выходки противъ *балловней-поэтовъ* и въ особенности противъ Дельвига (второй статьи стр. 54—62), и нерѣдко принималъ въ нихъ участіе; а съ 1826 года, по прекращеніи «Благонамѣреннаго», Сомовъ дѣятельно участвовалъ въ изданіяхъ г. Булгарина. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ Сомовъ напечаталъ малороссійскій разсказъ «Юродивый» (стр. 159—217) подъ псевдонимомъ *Порфирія Байскаго*, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Дельвига, и былъ искренно ему преданъ (21).

(20) Всѣ эти стихотворенія, напечатанные въ альманахѣ за полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*) помѣщены въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній (въ первомъ на стр. 23, 40, 14, 105, 65, 123 и 124, а на второмъ на стр. 15, 27, 8, 78, 48, 92 и 93).

(21) О непостоянствѣ убѣжденій Сомова можно *отчасти* судить по статьѣ «Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣлѣ» (Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ 1831 года, ч. XVIII, стр. 313—319). Въ «Галатее» Ранча 1829 года (№ 9, стр. 65) объявлено о переходѣ Сомова въ «Московскій Телеграфъ». Сомовъ дѣйствительно участвовалъ въ «Телеграфѣ», но не переставалъ быть и сотрудникомъ Дельвига.

Почти одновременно съ выходомъ четвертой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», покойный Михаилъ Алексѣевичъ Яковлевъ (переводчикъ съ французскаго и составитель водевилей) издалъ «Опытъ Русской Анеѳологіи, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія». Нѣкоторые изъ молодыхъ поэтовъ, въ томъ числѣ Пушкинъ и Дельвигъ, отдали издателю «Анеѳологіи» нѣсколько неизданныхъ стихотвореній; большая же часть сборника составлена изъ произведеній, выбранныхъ изъ альманаховъ и журналовъ. Стихотвореній Пушкина въ сборникѣ помѣщено болѣе двадцати. Дельвигъ отдалъ Яковлеву два неизданныхъ стихотворенія: *Эпиграмму*: «Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули» (стр. 36) и «Утѣшеніе» (стр. 161), которые явились почти въ то же время въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Кромѣ ихъ въ «Опытѣ» перепечатаны изъ разныхъ изданій слѣдующія стихотворенія Дельвига: «Къ выпущенной птичкѣ» (стр. 45), «Вакхъ» (стр. 46) и «Мы» (стр. 169), о которыхъ уже сказано выше.

Въ концѣ 1827 года Пушкинъ оставилъ Михайловское и провѣлъ всю зиму и весну въ Петербургѣ и Москвѣ, и очень часто видался съ Дельвигомъ. По свидѣтельству жившаго въ то время у Дельвига роднаго его брата, Александра Антоновича, Пушкинъ бывалъ у нихъ почти всякій вечеръ. Сомовъ и нѣкоторые друзья поэта были также почти ежедневными его посѣтителями⁽²²⁾. Литературныя чтенія въ обществѣ, весьма обыкновенныя въ то время, особенно часто бывали у Дельвига. Стихотворенія и прозаическія статьи, присылавшіяся Дельвигу для помѣщенія въ его альманахѣ, прочитывались и обсуживались въ этой пріятельской бесѣдѣ; здѣсь же обыкновенно читались новыя произведенія Пушкина, Баратынскаго и Жуковскаго, которые, разумѣется, не столько для предварительнаго просмотра, сколько по дружбѣ къ Дельвигу, присылали ему многіе изъ своихъ новыхъ стихотвореній. Въ одинъ изъ та-

⁽²²⁾ Баронъ А. А. Дельвигъ, братъ поэта, часто присутствовавшій при этихъ ежедневныхъ собраніяхъ, сообщилъ намъ слѣдующія о нихъ подробности: эти бесѣды происходили обыкновенно въ кабинетъ Дельвига. Пушкинъ сидѣлъ на диванѣ, по турецки, съ погами, Дельвигъ подлѣ него на креслѣ, а передъ нимъ на столѣ лежала бумага и карандашъ. Разговоры ихъ нерѣдко перемѣшались экспромтами Пушкина, которые Дельвигъ немедленно записывалъ, показывалъ Пушкину, а иногда, не показывая, отдавалъ въ печать, такъ что Пушкинъ, не придававшій важности этимъ шуткамъ и немедленно забывавшій ихъ, увѣрялъ, что Дельвигъ подписываетъ его фамилію подлѣ чужихъ стиховъ. Мы сомнѣваемся, однакожъ, въ справедливости послѣдняго показанія, несмотря на свидѣтельство очевидца: Пушкинъ, всегда тщательно отдѣлывавшій всѣ свои произведенія, вообще не любилъ экспромтовъ.

кихъ вечеровъ Пушкинъ читалъ написанную имъ еще въ южной Россіи «Комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ», которую онъ долго не рѣшался печатать, и которая была издана только въ 1831 году, уже по смерти Дельвига, подлѣ заглавіемъ «Борисъ Годуновъ»⁽²³⁾. При чтеніи присутствовалъ и М., съ которымъ наши поэты дѣлились, по выраженію Пушкина, «и мечтами, и вѣснми.»

По совѣту Дельвига и М., Пушкинъ исключилъ изъ своей трагедіи сцену между Григоріемъ и злымъ чернецомъ, предшествовавшую сценѣ между Пименомъ и Григоріемъ въ Чудовомъ монастырѣ. Исключенная сцена, по мнѣнію обоихъ поэтовъ, ослабляла впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена⁽²⁴⁾, — замѣ-

⁽²³⁾ Вотъ что писалъ Пушкинъ объ этой трагедіи въ неизданномъ письмѣ къ А. Б.—у отъ 3 декабря 1824 года изъ Михайловскаго: «Важная вещь! я видѣлъ трагедію, и ею очень доволенъ; но страшно въ свѣтѣ выдать робкій взвѣтъ нашъ нестерпимъ истиннаго романтизма. Подлѣ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ, — все не то; даже К.—ръ вретъ.» До изданія трагедіи отдѣльно, одна сцена изъ нея (въ Чудовомъ монастырѣ) была напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 года (№ 1, стр. 3—10; начало же ея перепечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 годъ (стр. V—VIII), какъ объясненіе приложенной къ альманаху картинки, изображающей Пимена и Григорія; другая (на Литовской границѣ) въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 25—27), и двѣ первыя сцены трагедіи въ «Денницѣ» 1830 года (стр. 1—9).

⁽²⁴⁾ Свѣдѣніе это сообщаетъ баронъ Е. О. Розенъ въ своемъ разборѣ «Бориса Годунова» въ «Dorpaten Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands» 1833 (т. I, стр. 56), и, находя, вопреки вышесказанному мнѣнію, что переходъ отъ разсказа Пимена къ побѣгу Отрепьева становится, чрезъ исключеніе этой сцены, слишкомъ скорымъ, полагаетъ, что въ ней есть не только историческое основаніе, но и поэтическая истина (стр. 53), и потому сообщаетъ ее въ переводѣ на нѣмецкій съ русскимъ подлинникомъ. Переводчикъ говоритъ, что Пушкинъ намѣренъ былъ вставить эту сцену во второе изданіе трагедіи. Статья барона Розена переведена на русскій и напечатана вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ трагедіи въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду» 1834 года (№ 3, стр. 23). Баронъ Розенъ упоминаетъ о той и другой статьяхъ въ «Ссылкѣ на мертвыхъ» («Сынъ Отечества» 1847 г., іюнь, ст. III, стр. 10—11).

Сцена между Григоріемъ и чернецомъ перепечатана въ «Москвитянинѣ» 1854 года (№ 5, отд. IV, стр. 1—3) съ прибавленіемъ стиховъ, не принадлежащихъ Пушкину и съ раздѣленіемъ каждаго стиха на два. Хотя послѣднее измѣненіе имѣетъ основаніе, мы предпочли бы, однакожъ, сохранить эту сцену въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера поэта. Прибавленные, со словъ С. П. Шевырева, слѣдующіе два стиха, не принадлежатъ Пушкину:

*И куда костей проклятыхъ
Не заноситъ вороны.*

Этихъ стиховъ, какъ мы уже сказали въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 года (№ 5, Журналистика), нѣтъ ни въ «Dorpaten Jahrbücher», ни въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», ни въ рукописи трагедіи, переписанной для Пушкина, гдѣ вся эта сцена зачеркнута, ни въ доставленныхъ намъ В. Н. Щапынымъ и

чаніе справедливое, тѣмъ болѣе, что эта сцена, растягивая дѣйствіе, принадлежитъ, въ отношеніи формы, сравнительно къ слабѣйшимъ мѣстамъ трагедіи.

Необыкновенное, почти безусловное, довѣріе великаго поэта вкусу Дельвига, оправдываемое и объяснимое только пристрастіемъ дружбы, высказывалось при каждомъ случаѣ. И на школьной скамьѣ, когда великій поэтъ еще впервые испытывалъ свои силы, онъ любилъ говорить съ Дельвигомъ «обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить», и на вечерахъ у Жуковского, гдѣ читалась его первая поэма, онъ прислушивался къ сужденіямъ Дельвига среди похвалъ уже извѣстныхъ писателей, и вдали отъ Петербурга дѣлился съ нимъ литературными впечатлѣніями. Пушкинъ какъ будто не видѣлъ того огромнаго разстоянія, которое отдѣляетъ его не только отъ Дельвига, но и отъ другихъ, даже болѣе талантливыхъ поэтовъ, какъ будто не сознавалъ разницы между собою и Дельвигомъ. Онъ не только считалъ Дельвига талантомъ неоцѣнимымъ — мнѣніе, которое сохранилъ до конца жизни, но такъ близко связывалъ съ его судьбою свою литературную дѣятельность, что, огорченный смертью Дельвига, не разъ говорилъ въ пріятельскомъ кружкѣ, что и его литературное поприще кончено, и что онъ болѣе не будетъ писать — намѣреніе, не исполнившееся къ счастью литературы.

Несмотря на эти душевныя, вполне дружескія отношенія, поэты были необыкновенно осторожны и воздержны въ литературныхъ сужденіяхъ другъ о другѣ, и весьма рѣдко рѣшались на какое нибудь замѣчаніе. Пушкина удерживало, быть можетъ, сознание своихъ силъ и добродушная снисходительность къ чужимъ произведеніямъ; Дельвига, вѣроятно, сознание своей слабости и убѣжденіе въ необыкновенной художественности произведеній Пушкина, художественности, которую прежде всѣхъ замѣтилъ и оцѣнилъ Дельвигъ.

Объ этой осторожности обоихъ поэтовъ, въ литературныхъ сужденіяхъ другъ о другѣ, свидѣтельствуетъ баронъ Е. О. Розентъ въ статьѣ «Сылка на мертвыхъ» («Сынъ Отечества» 1847 года, іюнь, отд. III стр. 3—40), въ которой говоритъ, между прочимъ, о литературныхъ отношеніяхъ Пушкина и Дельвига и о своемъ зна-

барономъ Розентъ двухъ спискахъ этой сцены, списанныхъ съ подлинника. Наша замѣтка по поводу этихъ двухъ стиховъ вызвала возраженіе С. П. Шевырева, который, отвергая приводимые нами свидѣтельства, и, основываясь на своей памяти подтверждаетъ принадлежность этихъ стиховъ Пушкину («Москвитянинъ» 1854, № 3, «Антикритическая замѣтка», отд. IV, стр. 45—46): Не защищая приведенныхъ нами фактовъ, позволяемъ себѣ замѣтить, что и память, особенно по пошествіи сашкомъ двадцати лѣтъ, неполно надежное свидѣтельство.

комствѣ съ ними. Заимствуемъ изъ этой статьи свѣдѣнія, относящіяся къ нашему предмету.

Содержаніе разсказа относится къ 1829 году. Баронъ Розентъ отправился къ Пушкину, жившему тогда въ гостинницѣ, бывшей Демута, гдѣ онъ обыкновенно останавливался, пріѣзжая въ Петербургъ. Но пусть говоритъ самъ авторъ:

«Онъ (Пушкинъ) встрѣчаетъ меня восклицаніемъ, что я пришелъ очень кстати: «Я разсказалъ Дельвигу, что имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, и долженъ былъ дать ему слово привести васъ къ нему: завтра его депъ въ недѣль.» — Онъ назначилъ мнѣ пріѣхать къ нему, и повезъ меня къ барону Дельвигу...

«Дельвигъ — продолжаетъ баронъ Розентъ — сказался мнѣ своимъ всегда и всюду одинаковымъ гармоническимъ спокойствіемъ и, такъ сказать, прозрачною ясностью своего существа... Классическое, античное явленіе, неожиданное въ наше время, и будто бы взятое прямо изъ школы Платона! Такой цѣлости человѣческой, такого единства личности (?) я дотолѣ и послѣ того не встрѣчалъ. Только въ залахъ Ватикана, древнія статуи античною особенностью своего выраженія невольно напоминали мнѣ характеръ Дельвига... Въ самомъ дѣлѣ, я увѣренъ, что еслибъ онѣ ожили, то ихъ античный бытъ не могъ бы выразаться въ XIX вѣкѣ иначе, какъ въ образѣ жизни и въ характерѣ нашего Дельвига!» (Стр. 13).

Это безусловно-восторженное удивленіе автора не только произведеніямъ, но даже личности Дельвига, не имѣвшее въ настоящемъ случаѣ основанія, безъ сомнѣнія, было внушено пристрастіемъ Пушкина, которому, какъ сознается баронъ Розентъ, чрезвычайно нравились подобныя сужденія о Дельвигѣ, и который увѣрялъ, что у насъ еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ не оцѣнятъ Дельвига (Стр. 15). Но, отлагая сужденія о произведеніяхъ Дельвига до слѣдующей статьи, возвращаемся къ разсказу барона Розента.

«Съ Дельвигомъ я сблизился очень скоро. Однажды передаю ему критическое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ Пушкинымъ, когда я читалъ ему, въ рукописи, одно изъ моихъ стихотвореній. Дельвигъ удивился.

— Неужели Пушкинъ сдѣлалъ вамъ критическое замѣчаніе!

— Что же тутъ мудренаго? кому же, какъ не ему, учить новобранца?

— Поздравляю васъ: это значитъ, что вы будете не въ числѣ его обыкновенныхъ знакомствъ! Пушкинъ, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно остороженъ и скрытенъ, всегда отдѣливается свѣтскою вѣжливостью. Я вмѣстѣ съ нимъ воспитанъ — и только недавно началъ онъ дѣлать мнѣ критическія замѣчанія: это вѣрнѣйшій признакъ особеннаго пріятельскаго расположенія къ автору!» (Стр. 16).

Другой, почти такой же, разговор происходил по поводу «Загадки» (при посылкѣ бронзоваго сфинкса), стихотворенія, которое Пушкинъ отдалъ барону Розену для альманаха «Царское Село». Вотъ эта «Загадка», въ которой, несмотря на дружески-пристрастную похвалу, не трудно угадать Дельвига:

«Кто на сѣбѣхъ возрастилъ Феокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто, славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!»⁽²⁵⁾

По поводу «Загадки» баронъ Розенъ рассказываетъ слѣдующее:

«Оказалась просодическая неисправность во второмъ гекзаметрѣ: онъ былъ у Пушкина такъ:

«Кто славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ?»

«Я замѣтилъ это Дельвигу, указавъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *a*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился.

«— Или покажите самому Пушкину, или напечатайте такъ какъ есть! Что за бѣда? Пушкину позволительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ!

«Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры, я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой пьесѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ!» (Стр. 17).

Дѣло кончилось тѣмъ, что баронъ Розенъ самъ исправилъ эту незначительную неправильность, за что Пушкинъ, конечно, не разсердился.

«Мнѣ уже нельзя было — продолжаетъ авторъ — не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ лицейскимъ товарищемъ.» (Стр. 17—18).

Вотъ до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ.

⁽²⁵⁾ Стихотвореніе это напечатано въ альманахѣ «Царское Село», изданномъ на 1830 годъ Н. М. Коншинымъ и барономъ Розеномъ (стр. 4). Въ собраніи «Сочиненій» Пушкина оно перепечатано безъ перемѣнъ въ IX томѣ (стр. 457). «Сѣверный Меркурій» 1830 года, говоря объ этой загадкѣ (№ 122, Смѣсь, стр. 176), замѣчаетъ, что «уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло отъ выхода «Царскаго Села», но едва ли нашелся хитрый Эдипъ, который разрѣшилъ бы эту загадку. Въ самомъ дѣлѣ мудро отгадать: кто этотъ славянинъ, родомъ германецъ?»

Быть можетъ, благодаря этимъ дружескимъ литературнымъ отношеніямъ и частому размѣну между поэтами ихъ новыхъ стихотвореній еще въ рукописи, случалось, что произведенія одного изъ нихъ были приписываемы другому. Такъ, напримѣръ, въ собраніи «Сочиненій» Пушкина, представляющемъ собою рѣдкій образецъ всѣхъ возможныхъ неисправностей и непростительнаго неуваженія къ сокровищамъ роднаго слова, попало стихотвореніе Дельвига: *Застольная пѣсня*: «Други, пусть года несутся!» (т. IX, стр. 291), напечатанная въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь просвѣщенія и благотворенія) подъ заглавіемъ «Дионрамбъ» (часть XII, стр. 212), съ подписью — Д—. Принадлежность его Дельвигу подтверждается и тѣмъ, что оно находится и въ рукописяхъ поэта, даже въ двухъ экземплярахъ. Въ «Сочиненіяхъ» Пушкина, въ довершеніе забавной ошибки, стихотвореніе это напечатано невѣрно, съ сохраненіемъ его первоначальной редакціи, тогда какъ въ рукописяхъ Дельвига оно подверглось значительнымъ исправленіямъ почти въ каждой строцкѣ. Для сличенія, представляемъ этотъ «Дионрамбъ» въ исправленномъ видѣ:

«Други! пусть года несутся!
О годахъ не намъ тужить!
Не всегда и грозды выются, —
Такъ скорѣй и пить, и жить!

Громкій смѣхъ надъ докторами,
При плесканьи полныхъ чашъ!
Вѣрите мнѣ: Игея съ нами,
Самъ Ліэй цѣлитель нашъ!

Свѣтлый Мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь.
Пейте жъ съ нимъ вы мукъ забвенья
И болтливую любовь!

Выпили? Еще! Веселье
Пышетъ розой по щекамъ,
И безпечное похмѣлье
Ужъ манитъ Эрота къ намъ.»

Какимъ же образомъ это стихотвореніе могло попасть въ «Сочиненія» Пушкина? Полагаемъ, что это могло случиться, какъ уже сказано въ «Библиографическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига» («Отечественныя Записки» 1853 года, № 6, Смѣсь, стр. 153), слѣдующимъ образомъ: въ рукописяхъ Дельвига нашлось нѣсколько его стихотвореній, переписанныхъ на отдѣльныхъ листахъ рукою Пушкина; стихотвореніе же, о которомъ идетъ рѣчь, т. XLVII. Отд. III.

могло быть также переписано Пушкинымъ и, найденное въ такомъ видѣ въ его бумагахъ, могло быть приписано Пушкину.

Случалось также, что стихотворенія Пушкина приписывались другимъ поэтамъ, и въ томъ числѣ Дельвигу. Последнему приписывали сочиненную Пушкинымъ скоро по выпускѣ изъ лицея, «Элегію на кончину тетушки», панегирикъ весьма не понравившейся дядѣ поэта, Василю Львовичу. Дельвигъ, по просьбѣ Пушкина, принялъ эту шалость на себя, сказавъ, что онъ сочинилъ ее только отъ имени Пушкина, написалъ къ Василю Львовичу объяснительное письмо и такимъ образомъ возстановилъ миръ между дядею и племянникомъ. Не знаемъ, повѣрилъ ли вполнѣ этому объясненію Василій Львовичъ, но во всякомъ случаѣ Дельвигъ прослылъ авторомъ элегій, ходившей тогда по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ⁽²⁶⁾. Она до сихъ поръ не напечатана, и потому представляемъ ее читателямъ:

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный⁽²⁷⁾
Встрѣчалъ всегда среди двора;
Тебя Елисавета Львовна
Любила больше серебра!
Давно ли съ Ольгою Сергѣевной,⁽²⁸⁾
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,⁽²⁹⁾
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ, и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ!
Зачѣмъ стихи его.....
.....!

Несмотря, однакожь, на тѣсную дружбу съ Дельвигомъ, Пушкинъ, вообще довольно скрытный, не былъ совершенно откровененъ и съ Дельвигомъ даже въ своихъ литературныхъ дѣлахъ, какъ это доказывается его письмомъ къ М. П. Погодину, писаннымъ въ 1830 году изъ нижегородской деревни, при которомъ доставлено стихотвореніе «Герой».

Вотъ нѣсколько строкъ этого письма:

⁽²⁶⁾ Сообщено кн. Д. А. Э.

⁽²⁷⁾ Камергеръ Солнцевъ, мужъ сестры Василя Львовича, Елисаветы Львовны, о которой упоминается въ слѣдующихъ строкахъ.

⁽²⁸⁾ Сестра поэта.

⁽²⁹⁾ Братъ поэта.

«Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукой переписанную.»⁽³⁰⁾

По примѣру Пушкина, которому во всѣхъ мелочахъ старалось подражать молодое поколѣніе поэтовъ, весьма многіе изъ нихъ доставляли Дельвигу свои стихотворенія до напечатанія. Но Пушкинъ, Баратынскій и даже иногда Жуковскій, дѣлали это болѣе по дружбѣ къ Дельвигу, тогда какъ другіе поступали такимъ образомъ или изъ подражанія извѣстнымъ поэтамъ, или въ самомъ дѣлѣ нуждаясь въ его совѣтѣ. Дельвигъ дѣйствительно не былъ лишень изящнаго вкуса и нѣкоторой вѣрности сужденія, но и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ гораздо ниже своего авторитета, который ему доставленъ прежде всего дружбой и мнѣніемъ Пушкина. Убѣжденію въ вѣрности сужденій Дельвига отчасти способствовала нѣкоторая самостоятельность его взгляда, самостоятельность, всегда заслуживающая вниманія и особенно рѣкая въ то время, когда почти безусловная покорность чужимъ приговорамъ, почти безусловное поклоненіе литературнымъ авторитетамъ исключали всякое личное мнѣніе, не подчинявшееся общественному вкусу. Борьба мысли между отживающими дѣятелями и только что начинающими свое поприще, конечно, всегда существовала и всегда будетъ существовать, потому что, по закону постоянного развитія всего живущаго, понятія стараго и молодого поколѣнія рѣдко сходятся между собою, и литература, какъ отраженіе общественной жизни, всегда будетъ представлять эти явленія. Но никогда еще это разномысліе, это радикальное противорѣчіе всѣмъ наслѣдственнымъ и не имѣвшимъ болѣе разумнаго основанія литературнымъ понятіямъ, не было такъ сильно, какъ въ первые годы успѣховъ новоромантической школы. Въ этомъ-то плодотворномъ столкновеніи понятій, въ этомъ обновленіи литературныхъ идей и заключается одна изъ ея многочисленныхъ услугъ русской литературѣ. Представители и дѣятели этой школы, въ числѣ ихъ и Дельвигъ, проносили съ такою же независимостью взгляда свои сужденія и о современныхъ произведеніяхъ литературы. Не касаясь позднѣй-

⁽³⁰⁾ Стихотвореніе «Герой» напечатано въ «Телескопѣ» 1831 года (часть I, № 1, стр. 46) безъ имени автора. Въ собраніи «Сочиненій» Пушкина оно перепечатано въ IX томѣ (стр. 218—221), гдѣ помѣщенъ также приведенный отрывокъ изъ письма Пушкина. Въ «Русскомъ Историческомъ Альбомѣ», изданномъ въ 1853 году М. П. Погодинымъ, есть *fac-simile* первыхъ десяти строкъ этого стихотворенія (листъ 41).

шихъ литературныхъ убѣжденій Дельвига, о которыхъ будетъ сказано при разсмотрѣннн его рецензій въ «Литературной Газетѣ», приведемъ для примѣра самостоятельности и вѣрности его взгляда, его сужденіе о комедіи «Горе отъ ума». Въ то время, когда знаменитое произведеніе Грибоѣдова, тогда еще не изданное, но уже извѣстное каждому русскому читателю, всюду возбуждало единогласное, безусловное удивленіе, Дельвигъ принадлежалъ къ числу весьма немногихъ, не раздѣлявшихъ общаго безусловнаго восторга и осмѣливавшихся находить въ этой комедіи существенныя недостатки. Дельвигъ справедливо замѣчалъ, что въ этой комедіи нѣтъ единства и послѣдовательности дѣйствія, что необыкновенно умныя и прекрасныя сцены комедіи мало имѣютъ между собою внутренней связи, изъ которой вытекала бы необходимость той или другой сцены и гармонія всего цѣлаго; но онъ наравнѣ съ другими восхищался стихами комедіи, изъ которыхъ многіе уже и въ его время сдѣлались пословицами⁽³¹⁾. Пушкинъ также находилъ важныя недостатки въ комедіи Грибоѣдова, но замѣчанія его относились преимущественно къ характерамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ⁽³²⁾. Въ этихъ откровенныхъ сужденіяхъ,

⁽³¹⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

⁽³²⁾ Приводимъ замѣчательное мнѣніе Пушкина о комедіи Грибоѣдова изъ изданнаго письма Пушкина къ Б—ву, писаннаго въ 1825 году:

«Слушалъ «Чацкаго», но только одинъ разъ, и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то... не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко помят. Не пужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина, но статскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, рассказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно комическаго гения. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли что такое Чацкій? пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ), и папавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говорить онъ очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго взгляда знать съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми, и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хотъ кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ

несмотря на нѣкоторую ихъ строгость, высказывалось однакожь гораздо болѣе уваженія къ таланту автора, нежели въ безусловномъ восторгѣ....

Быть можетъ, на одно изъ приведенныхъ мнѣній намекаетъ В. У., авторъ извѣстной уже нашимъ читателямъ статьи «Вечеръ у литераторовъ» (Сѣверный Архивъ 1827 года, часть 26, стр. 180—196). В. У. рассказываетъ, что въ какомъ-то обществѣ заговорили объ одной комедіи: «одинъ молодой человѣкъ безъ милосердія бранилъ пьесу, а между тѣмъ съ восторгомъ читалъ наизусть цѣлыя монологи изъ оной, потому что они ему нравились.... (Стр. 194). Что ваше «Горе отъ ума»? Въ этой комедіи никто не женится! На что это похоже». (Стр. 196). Въ «Воспоминаніяхъ о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ» г. Булгаринъ повторяетъ почти то же самое: «Есть и въ Петербургѣ украшенные лаврами литераторы, которые не понимаютъ, какъ можетъ существовать комедія, въ которой, по обыкновенію, никто не женится, гдѣ нѣтъ пролазовъ слугъ, шалуновъ племянниковъ, стараго опекуна, хитраго любовника и нѣжной любовницы, которой свадьба предшествуетъ закрытію завѣсы»....

Эта довольно рѣдкая въ то время самостоятельность взгляда въ соединеніи съ самою добродушной правдивостью, возможность проводить и защищать въ своихъ изданіяхъ собственныя убѣжденія, и главное, дружба и уваженіе лучшихъ представителей русской словесности, доставили Дельвигу литературное довѣріе многихъ молодыхъ поэтовъ. Многія произведенія, даже не предназначавшіяся въ изданія Дельвига, поступали на его предварительное разсмотрѣніе. Откровенныя сужденія поэта и безирестаннныя споры, которые они возбуждали, обыкновенно оканчивались мирно, кромѣ развѣ двухъ размолвокъ, именно: съ А. И. Подолинскимъ за его поэму «Ничій», о которой Дельвигъ и печатно (безъ подписи) высказалъ довольно строгое мнѣніе (Литературная Газета 1830 года, № 19, стр. 152—154), и съ барономъ Розеномъ за его поэму «Рожденіе Іоанна Грознаго», которую Дельвигъ признавалъ, и совершенно

любви Софьи къ Молчалину прелестна. И какъ естественно! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ — его воля. О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть я и въ иномъ ошибаю: слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. Но крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту».

Приведенный отрывокъ былъ частію напечатанъ въ одной изъ статей В. Р. Зотова о Рашели («Пантеонъ» 1853, № 12).

справедливо, произведеніемъ холоднымъ и неестественнымъ ⁽³³⁾. О своей ссорѣ съ Дельвигомъ баронъ Розенъ упоминаетъ въ стихотвореніи «Тѣни друга» (Литературная Газета 1831 года, т. III, № 25, стр. 201), посвященномъ памяти поэта.

Пушкинъ упоминаетъ еще о размолвкѣ Дельвига съ Гнѣдичемъ, говоря, что отношенія ихъ уже «не суть дружескія» (Литературная Газета 1830 года, т. I, № 12, стр. 98); но размолвка эта, по свидѣтельству барона А. И. Дельвига, произошла не за откровенность сужденій, а за напечатаніе Дельвигомъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ «Отрывковъ изъ Иліады» въ переводѣ Жуковского (стр. 76—119), между тѣмъ какъ въ то время уже готовился къ изданію знаменитый трудъ Гнѣдича.

Въ февралѣ 1828 года Дельвигомъ былъ командированъ на слѣдствіе въ Слободско-Украинскую губернію, какъ уже сказано во второй статьѣ этого труда (стр. 21). Дельвигомъ проѣзжалъ черезъ Москву, гдѣ былъ принятъ съ полнымъ радушіемъ въ обществѣ писателей. Онъ останавливался у Баратынскаго, семейство котораго было тогда въ деревнѣ. «Дельвигомъ погостилъ у меня короткое время (писалъ Баратынскій къ Пушкину въ неизданномъ письмѣ изъ Москвы 1828 года). Онъ много говорилъ мнѣ о тебѣ; между прочимъ передалъ мнѣ одну твою фразу и ею меня нѣсколько опечалилъ. Ты сказалъ ему: мы нынче не переписываемся съ Баратынскимъ, а то бы я увѣдомилъ его, и проч.» По случаю пріѣзда Дельвига былъ литературный вечеръ у С. А. С—го, какъ сообщилъ намъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ Дельвигомъ тогда впервые познакомился. «Онъ подошелъ ко мнѣ (пишетъ намъ М. А. Максимовичъ), какъ къ издателю «Малороссійскихъ пѣсенъ», и мы съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыхъ онъ, на ту пору, былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ знатоковъ»... Въ Харьковѣ Дельвигомъ, по случаю бывшаго тогда выпуска воспитанницъ Харьковскаго Института, написалъ «Хоръ», который былъ представленъ начальницею Института А. Г. Литинскою Императрицѣ Маріи Осодоровнѣ, и удостоенъ вниманія Ея Величества, какъ видно изъ примѣчанія къ стихотворенію, слѣланнаго самимъ поэтомъ. (Сѣверные Цвѣты на 1829 годъ, стр. 176—177 и смирдинское изданіе стихотвореній Дельвига, стр. 154).

Въ томъ же году скончался отецъ Дельвига. Семейство поэта (мать и сестры) переехало на житье въ Черньскій уѣздъ Тульской губерніи, въ деревню его матери, которая живетъ тамъ и до сихъ поръ съ однимъ изъ братьевъ и двумя сестрами поэта ⁽³⁴⁾. Дель-

⁽³³⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

⁽³⁴⁾ Сообщено имъ же.

вигомъ прожилъ тамъ нѣсколько времени для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма его къ Н. А. Полевому въ Москву ⁽³⁵⁾:

«Милостивый государь
Николай Алексѣевичъ.

На письмо мое изъ Харькова я не получилъ отъ Васъ никакого отвѣта. Вторично прошу Васъ, если даже не продано ни одного экземпляра «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», одолжить мнѣ на одинъ мѣсяць 1000 рублей. Деньги мнѣ необходимы въ теперешнемъ положеніи моемъ: я лишился отца, долженъ привести въ порядокъ деревенскія дѣла, чтобы оставить спокойнѣе семью мою; въ теперешнее же время года деревня только обѣщаетъ деньги, а не даетъ. Будьте добры къ чело-вѣку, почитающему и уважающему Васъ.

Готовый ко услугамъ

Баронъ Дельвигомъ.»

«13 іюля 1828 года.

Тульской губерніи.

городъ Чернь.»

Возвратившись въ Петербургъ, Дельвигомъ занялся составленіемъ пятой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», въ чемъ весьма ревностно помогалъ ему Сомовъ. Но самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ альманаха, душою и жизнью изданія былъ Пушкинъ, возвратившійся въ Петербургъ изъ деревни, противъ своего обыкновенія, въ началѣ осени. Онъ не только участвовалъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» своими трудами, но приглашалъ къ тому же своихъ литературныхъ пріятелей, и отдавалъ ихъ произведенія въ альманахъ Дельвига, предпочтительно предъ другими изданіями. Такимъ образомъ Пушкинъ отдалъ въ «Сѣверные Цвѣты» «прекрасное», по его мнѣнію, стихотвореніе Катенина «Старая быль» и нѣсколько другихъ стихотвореній ⁽³⁶⁾. Въ концѣ октября Пушкинъ уѣхалъ въ деревню Малинники (Тверской губерніи), принадлежащую П. А. Осиповой, но и тамъ онъ не переставалъ заботиться объ успѣхѣ альманаха. Вотъ что писалъ онъ оттуда къ Дельвигомъ:

«Вотъ тебѣ въ «Цвѣты», отвѣтъ Катенину, вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ ⁽³⁷⁾. Я совершенно разучился любезничать.

⁽³⁵⁾ Письмо это сообщено Г. И. Геннади.

⁽³⁶⁾ Стихотвореніе «Старая быль» напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, на стр. 33—45, вмѣстѣ съ письмомъ Пушкина, при которомъ оно доставлено въ редакцію альманаха.

⁽³⁷⁾ *Отвѣтъ Катенину* напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ (стр. 120) съ подписью А. П. Въ «Сочиненіяхъ» Пушкина онъ помѣщенъ въ III томѣ (стр. 165—166). Для объясненія этого посланія необходимо припомнить содержаніе «Старой были» Катенина и посвященія этого стихотворенія Пушкину. Въ произведеніи Катенина князь Владимиръ, праздною свою по-

Не знаю долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюсь къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно⁽³⁸⁾, жаль, что она хвораетъ и все беспокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито⁽³⁹⁾. Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ⁽⁴⁰⁾ здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ: на дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда прѣѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать: мать принесла имъ изюму и черносливу, и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбунтовалъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: Дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣжайте съ нею: тамъ будетъ Пушкинъ; онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли, и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь; но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. — Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ

обѣду и свальбу, присутствуетъ при состязаніи двухъ пѣвцовъ, и награждаетъ одного изъ нихъ — грека, персидскимъ конемъ и дорогимъ оружіемъ, а его соперника — русскаго, завѣтнымъ кубкомъ, добытымъ Святославомъ въ войнѣ съ Цимисхіемъ. Въ посланіи Пушкину, сопровождавшемъ это стихотвореніе, Катенинъ, посмѣявшись надъ археологами и романтиками, говоритъ, что изъ этихъ наградъ осталась только кубокъ, попавшій къ «настоящему поэту», который влѣваетъ въ него черезъ край «свое волшебное питье». Пушкинъ не рѣшился напечатать это посвященіе, и помѣстилъ въ той же книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» только свой *Отвѣтъ Катенину*, извѣстное посланіе, начинающееся стихами:

«Напрасно пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь»,..

которые безъ поясненія, не совсѣмъ понятны. Посланіе Катенина напечатано только въ 1832 году, въ собраніи его «Сочиненій» (часть I, стр. 98—100), вслѣдъ за стихотвореніемъ «Старая быль» (стр. 85—97).

⁽³⁸⁾ Прасковья Александровна Осипова, владѣтельница Тригорскаго и Малинниковъ, мать А. Н. Вульфа, друга поэта Изыкова. Пушкинъ написалъ ей въ альбомѣ стихотвореніе, напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ. (стр. 193) и перепечатанное въ IV томѣ его «Сочиненій» (стр. 281) подъ заглавіемъ *П. А. О****, и посвятилъ ей «Подражаніе Корану» («Сочиненія Пушкина», т. III, стр. 207—216). О П. А. Осиповой уже нѣсколько разъ было упоминаемо выше. Кромѣ того о ней сказано нѣсколько словъ въ «Біографическомъ извѣстіи объ А. С. Пушкинѣ» (Москвитинъ 1853 года, № 10) и въ замѣчаніяхъ на него (Отечественныя Записки, 1853 года, июль, «Журналистика»)

⁽³⁹⁾ Мунито — извѣстная въ то время собака, умѣвшая, по свидѣтельству очевидцевъ, дѣлать сложеніе, различать цвѣта, угадывать карты, и вообще удивлявшая своею необыкновенною понятливостью. Современный рассказъ очевидца о способностяхъ этого животнаго читатели найдутъ въ «Furet, journal de littérature et des théâtres» 1830 года, въ статьѣ «Les bêtes savantes» (№ 11, стр. 43).

⁽⁴⁰⁾ Полторацкій, родственникъ П. А. Осиповой.

(или дѣвницъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ)⁽⁴¹⁾; я съ ними вожусь платонически, и оттого толстѣю, и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай. Поцѣлуй себя, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего *Ворона*. Какъ ты думаешь? Пускай шуринь гравируетъ, а ты печатай. Vale... Баронессѣ не говорю ничего; однакожъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.»

Спустя нѣсколько времени Дельвигъ получилъ отъ Пушкина, оттуда же, слѣдующее письмо, которое такъ же, какъ и предъидущее, свидѣтельствуешь о самомъ веселомъ, самомъ беззаботномъ настроеніи его духа:

«Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой⁽⁴²⁾..... Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша⁽⁴³⁾. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ.⁽⁴⁴⁾ Правда ли, что ты

⁽⁴¹⁾ Б. М. Оелоровъ — въ своей статьѣ о IV и V главахъ «Евгенія Онегина» въ изданіи имъ «С. Петербургскомъ Зрителѣ» 1828, (стр. 139). Объ этой статьѣ, любопытной по софтамъ, которые г. Оелоровъ даетъ Пушкину, великій поэтъ говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее:

«Г-нь Б. Оелоровъ въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главу Онегина, замѣтилъ, однакожъ, мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сразу начинаются у меня частицею *ужь*, что и называлъ онъ ужами, а что въ ригорикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ, и вѣроятно чиновныхъ, назвалъ *дѣвчонками* (что, конечно, не учтиво), между тѣмъ, какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ *дѣвою*. («Сочиненія А. Пушкина», т. XI, стр. 215).

⁽⁴²⁾ Посланіе Анны Ивановны Готовцевой къ Пушкину напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, (стр. 180—181), подъ заглавіемъ «А. С. П». Отвѣтъ Пушкина напечатанъ вслѣдъ за нимъ.

⁽⁴³⁾ Посланіе князя Вяземскаго А. И. Готовцевой напечатано тамъ же (стр. 178—179).

⁽⁴⁴⁾ Для поясненія этихъ словъ припомнимъ, что А. И. Готовцева, восхищаясь въ своемъ посланіи произведеніями Пушкина, оканчиваетъ его слѣдующими строками, дѣйствительно странными и непонятными:

«Одно... Но гдѣ же совершенство?

Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!...

.....

Несправедливъ твой приговоръ;

Но порицать тебя не смѣемъ:

Мы генію простить умѣемъ —

Молчанье выразить укоръ».

Быть можетъ, поводомъ къ этимъ упрекамъ послужилъ отрывокъ изъ «Евгенія Онегина» подъ заглавіемъ «Женщины», напечатанный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 года, (часть пятая, № XX, стр. 365—367) и помѣщенный въ IX т. «Сочиненій» Пушкина, стр. 461—463). или «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣ-

ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? ⁽⁴⁵⁾ Видишь, какую ты нашу наварилъ: посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? — Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ «Онѣгина», и стращаютъ мною ребятъ какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели, и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ. Я пріѣду къ нимъ... Полно. Я что сегодня съ тобою разоврался. 26-го ноября. — Что Иліада и что Гнѣдичъ?»

Къ новому (1829) году Пушкинъ возвратился въ Петербургъ съ большимъ запасомъ новыхъ произведеній, изъ которыхъ семнадцать (въ томъ числѣ и два посланія: Катенину и Готовцевой) напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ.

Изъ стихотвореній Дельвига въ этой книжкѣ напечатаны только: «Сонъ» (стр. 47—48), упомянутый выше «Хоръ для выпуска воспитанницъ Харьковскаго Института» (стр. 176—177) и романсъ: «Одинокъ мѣсяць плылъ» (стр. 183), перепечатанный съ исправленіями изъ «Новостей литературы», 1822 года, (кн. II, стр. 31) ⁽⁴⁶⁾.

Матеріаловъ для составленія пятой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» накопилось такъ много, что они не умѣстились въ одной книжкѣ альманаха. Это дало возможность издателямъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» составить новый альманахъ «Подсѣжника», который и вышелъ въ свѣтъ къ Святой недѣлѣ, безъ означенія, однакожь, именъ его издателей. Последнее обстоятельство было поводомъ нѣкоторыхъ недоумѣній ⁽⁴⁷⁾ высказанныхъ даже печатно. Близкое родство новаго альманаха съ «Сѣверными Цвѣтами» замѣтно даже съ перваго взгляда: тотъ же форматъ, то же обиліе стихотвореній, наконецъ также, какъ и въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», произведенія: И. А. Крылова, Пушкиныхъ, Баратынскаго, Н. Языкова, Илличевскаго, П. Ободовскаго, князя Вяземскаго, Ф. Н. Глинки,

чашія), напечатанные безъ подписи Пушкина въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 208—226), и пропущенные въ собраніи его «Сочиненій». Пушкинъ, только изъ учтивости отвѣчавшій на это стихотвореніе, очень затруднялся и медлилъ отвѣтомъ, какъ видно изъ приведенныхъ писемъ.

⁽⁴⁵⁾ Вѣроятно, Дельвигъ снова собирался въ деревню.

⁽⁴⁶⁾ Изъ этихъ стихотвореній первое и третье напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ стр. 74 и 72, а во второмъ стр. 54 и 53); второе же помѣщено только въ смірдинскомъ изданіи, въ числѣ посмертныхъ стихотвореній Дельвига стр. 154).

⁽⁴⁷⁾ Во «Второмъ Прибавленіи къ росписи российскимъ книгамъ для чтенія изъ библиотеки Александра Смрдина» (Сиб. 1832 г.) сказано, по ошибкѣ, что «Подсѣжникъ» на 1829 и 1830 годы издавъ Егоровъ Аладинымъ.

К. П. Масальскаго, А. И. Подолинскаго, барона Розена, С. П. Шевырева, В. Н. Щастнаго и другихъ. Нѣкоторыя статьи альманаха имѣютъ даже близкое отношеніе къ Дельвигу, напримѣръ: посланіе Илличевскаго женѣ Дельвига, напечатанное подъ заглавіемъ «Баронессѣ С. М. Д.» (стр. 31), «19 октября 1828 года», стихотвореніе безъ подписи (стр. 236), и «Маскарадъ» (стр. 123—138), рассказъ неподписанный, принадлежащій покойному барону Александру Ивановичу Дельвигу, двоюродному брату поэта, который и не подозревалъ, что рассказъ написанъ однимъ изъ членовъ его семейства ⁽⁴⁸⁾.

Изъ стихотвореній Дельвига въ первой книжкѣ «Подсѣжника» напечатаны *Русская пѣсня*: «Сиротинушка, дѣвушка!» (стр. 153—154), «Хоръ изъ колиновой трагедіи: Поликсена» (стр. 238—240) и *Пѣсни*: «Дѣвушка! дѣвицы» (стр. 250—251), къ которой приложена музыка М. И. Глинки, одно изъ первыхъ произведеній знаменитаго композитора ⁽⁴⁹⁾. Въ «Подсѣжникѣ» же на 1830 годъ, изданномъ г. Аладинымъ, какъ бы въ дополненіе къ его «Невскому Альманаху», нѣтъ ни одного стихотворенія Дельвига.

До 1829 года Дельвигъ не заботился объ отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, несмотря на убѣжденія своихъ друзей и почитателей. Но въ началѣ 1829 года онъ неожиданно выбралъ «тѣ изъ своихъ стихотвореній, которыя почиталъ окончательнo отдѣланными» и издалъ ихъ отдѣльной книжкой ⁽⁵⁰⁾. «Стихотворенія барона Дельвига» вышли въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1829 года, почти одновременно съ новымъ изданіемъ стихотвореній Пушкина, который въ мартѣ того же (1829) года снова уѣхалъ на Кавказъ, такъ восхитавшій его первую молодость.

«Стихотворенія» Дельвига были встрѣчены не совсѣмъ благосклонными отзывами журналовъ. Въ слѣдующей статьѣ, при разборѣ стихотвореній Дельвига, будутъ разсмотрѣны и вызванныя ими журнальныя сужденія; теперь же постараемся познакомить читателя, хотя отчасти, съ полемикою, возбужденною не ихъ достоинствами или недостатками, а личными отношеніями поэта къ тому или другому литературному кружку. Въ одномъ «Московскомъ Телеграфѣ» 1829 года явилось три статьи о книжкѣ Дельвига, и двѣ изъ нихъ заключали довольно строгія и большею частью справедли-

⁽⁴⁸⁾ Сообщено братомъ его, барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ.

⁽⁴⁹⁾ Стихотворенія эти напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 132, 59 и 148, а во второмъ на стр. 98, 44 и 110).

⁽⁵⁰⁾ *Некрологія* Дельвига, написанная П. А. Плетневымъ, «Литературная Газета» 1831 года, т. III, № 4, стр. 32).

Книжка «Стихотвореній» Дельвига подписана цензоромъ 26 февраля 1829 года, а билетъ на выпускъ ея выданъ 9 апрѣля того же года.

вья замѣчанія поэту. Въ первой, подписанной *Кс. П.* (Ксенофонтъ Полевой), предварительно объявлявшей эту библиографическую новостъ, справедливо замѣчали, что «книгу въ 10 съ небольшимъ печатныхъ листовъ, безъ гравюръ, напечатанную такимъ образомъ, что на многихъ страницахъ пришлось по четыре и даже по два стиха, пролавать по 10 рублей несообразно ни съ чѣмъ», предсказывали, что «владѣлецъ ея ошибется въ расчетѣ» и упрекали автора, зачѣмъ онъ не поддержалъ самымъ дѣломъ своего эпитафия (изъ стихотворенія *Gēte der Sānger*):

*Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet?*

Во второй статьѣ, также принадлежащей К. А. Полевому (часть 27, № 11, стр. 359), довольно обстоятельно разсмотрѣны стихотворенія Дельвига; но мнѣніе о нихъ, показавшееся въ то время строгимъ, и, какъ говорятъ, очень огорчившее Дельвига, вызвало нѣкоторыя замѣчанія, напечатанныя въ томъ же журналѣ (часть 28, № 14, стр. 183). Другое, весьма впрочемъ слабое и бездоказательное, возраженіе на статью К. А. Полеваго было напечатано въ «Обозрѣніи Россійской Словесности за первую половину 1829 года» Сомова (Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ, стр. 3—114), гдѣ, кромѣ того посвящено нѣсколько страничекъ (стр. 58—66) разбору «Стихотвореній» Дельвига. Статья Сомова въ свою очередь встрѣтила отпоръ въ «Сѣверномъ Меркуріѣ», литературной газетѣ Бестужева-Рюмина (1830 года, № 3, Смѣсь), гдѣ сказано, что Сомовъ «имѣлъ цѣлю одно: расхвалить до *pes plus ultra* пріятелей своихъ, поддерживающихъ его литературное имя, и разбранить до *pes plus ultra* противниковъ своихъ, обязанныхъ, по долгу совѣсти, говорить ему правду». (Стр. 11). Особенно раздражила поэта безымянная критика «Галатеи», журнала литературы, повѣстей и модъ, издававшаяся С. Раичемъ (1829 года, часть четвертая, № 19, стр. 182—191). Въ этой статьѣ, между двусмысленными похвалами стихотвореній Дельвига, есть выходки, направленные на личность поэта и на его дружескія отношенія. Авторъ статьи говоритъ между прочимъ:

.... «непріятно было намъ встрѣтить въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ неумѣренныя похвалы писателя своимъ друзьямъ: *рука руку моетъ*; обѣ бѣлы бѣваютъ. Можетъ быть, Г. Дельвигъ, держась этой пословицы, кадилъ нѣкоторымъ изъ своихъ собратій по Аполлону. Очень хорошо; но всему должна быть мѣра» (Стр. 187).

Или:

.... «видно въ самомъ дѣлѣ не дурно въ нашъ не *эгоистической* вѣкъ держаться пословицы: *рука руку моетъ*; обѣ бѣлы бѣваютъ.

Помнимъ мы одинъ отзывъ Г. Плетнева о Петербургскихъ поэтахъ, слѣдовательно и о баронѣ Дельвигѣ....⁽²¹⁾ Б. Дельвигъ не хотѣлъ остаться въ долгу у Г. Плетнева. Это похвально! долгъ платежемъ красенъ.» (Стр. 188).

Дельвигъ, вообще довольно хладнокровный и уже давно привыкшій къ неумѣреннымъ выходкамъ журнальной полемики, не могъ равнодушно перенести этихъ неприличныхъ намековъ и напечаталъ въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1829 года (часть IV, № XXII, смѣсь, стр. 124—125) слѣдующій отвѣтъ

НА КРИТИКУ ГАЛАТЕИ.

«По природѣ и по образу мыслей моихъ, я всегда былъ и буду равнодушенъ къ похваламъ и брани журнальныхъ Аристарховъ нашихъ; никогда не сердился на ихъ замѣчанія, даже радовался, доставляя имъ случай написать одну или двѣ лишнія странички. Но, прочитавъ въ 19-мъ № Галатеи критику на мои стихотворенія, почувствъ обязанностью замѣтить Сочинителю ея всю неприличность его нападокъ на нравственное чувство уваженія, которое я со всѣми благомыслящими соотечественниками питаю къ Пушкину, Баратынскому и Плетневу. П. А. Плетневъ, отвлекаемый отъ Музъ другими, полезными занятіями, рѣже двухъ первыхъ являлся на литературномъ поприщѣ, но всегда дарилъ читателей стихотвореніями, исполненными чувства и гармоніи. Прозаическія статьи его отличаются правильностью языка и точностью мыслей, и — что у насъ довольно рѣдко — тономъ хорошаго общества. Съ благородною гордостью радуюсь, что могу безъ лести хвалить друзей моихъ. Въ первыхъ двухъ стихахъ отвѣта моего на ненапечатанное еще Посланіе ко мнѣ П. А. Плетнева, я какъ бы предвидѣлъ или предчувствовалъ критиковъ Галатеи.

Б. Дельвигъ.

P. S. Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не понимаю слова: *художественность*, также, какъ не постигаю и мысли, побудившей Г. Раича превратить въ Балладу безсмертную Поэму Тасса. Впрочемъ, въ угодность Г. Издателю Галатеи, я совѣтовалъ (бы) почтенному Переводчику Ромео и Юліи, кинуть уже переведенные размѣромъ подлинника 4 дѣйствія сей Трагедіи, и, не думая о вѣрномъ передаваніи красоты Шекспира, перевести снова сію Трагедію мѣрою *моихъ Печатковъ*..»

Эти объясненія Дельвига сопровождались слѣдующей припиской, принадлежащей, вѣроятно, редакціи журнала:

⁽²¹⁾ Авторъ намекаетъ на «Письмо къ графинѣ С. П. С. о русскихъ поэтахъ» (Сѣверные Цвѣты на 1825 годъ, стр. 3—80), въ которомъ, однакожь, отзывъ П. А. Плетнева о Дельвигѣ выпущенъ, и приведено только стихотвореніе послѣдняго «Къ Дорилѣ». (Стр. 60—61).

«Что прибавить къ этимъ короткимъ, но весьма справедливымъ замѣчаніямъ Барона Дельвига? Человѣкъ, не знающій ни нравственныхъ свойствъ сего Поэта, ни отношеній его къ другимъ литераторамъ, прочитавъ его Посланіе къ одному изъ нихъ, рѣшается въ критикѣ своей приводить, въ видѣ замѣчаній послловицы(у): *Рука руку моетъ, и объ бѣлы бьются*. Подобныя выходы конечно не могутъ повредить Барону Дельвигу ни въ понятіи тѣхъ людей, которые знаютъ его лично, ни даже въ глазахъ публики. О комъ же могутъ онѣ поселить въ читателей невыгодное мнѣніе? О самомъ Г. Критикѣ. Всякой подумаетъ, и весьма основательно, что приводимыя имъ послловицы суть тѣ правила, которыми онъ руководствуется въ литературныхъ своихъ отношеніяхъ, т. е. хвалить тѣхъ, которые его хвалятъ, и бранить, безъ всякой оглядки и соблюденія приличій, всѣхъ тѣхъ, которые не признаютъ въ немъ ни поэтическаго дара, ни вкуса. Люди имѣвшіе терпѣніе прочесть критики, помѣщенные въ Галатеѣ, безъ сомнѣнія уже замѣтили, какъ строго Издатель сего Журнала придерживается вышепомянутыхъ правилъ. С.» (Стр. 125—126).

Объясненіе Дельвига не осталось безъ сильнаго возраженія, но уже въ другомъ враждебномъ лагерѣ. *Аристархъ Завѣтный* (псевдонимъ Бестужева-Рюмина) въ статьѣ «Мысли и замѣчанія литературнаго наблюдателя» (Сѣверная Звѣзда 1829 г., стр. 257—291), вообще направленной противъ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и Плетнева, приводя нѣсколько строкъ изъ объясненія Дельвига, говоритъ:

«Г. Баронъ съ благородною гордостью радуется; что онъ можетъ безъ лести (!) хвалить друзей своихъ.» (Стр. 287).

«Какое высокое чувство уваженія — продолжаетъ авторъ — долженъ возбудить къ своей особѣ этими строками Баронъ Дельвигъ!... Такъ нѣжно любить друзей своихъ: какая благородная черта характера! — Вотъ говорить, что въ нашемъ безнравственномъ мірѣ нѣтъ истинной дружбы: Баронъ Дельвигъ примѣромъ своимъ разрушаетъ это несправедливое мнѣніе. Имѣйте его своимъ образцомъ, друзья нынѣшняго вѣка! — ... Хвала великодушному Барону! — *Vive l'amitié.*» (Стр. 288).

Мы не привели и половины замѣчаній *Аристарха Завѣтнаго* по поводу дружбы Дельвига съ П. А. Плетневымъ. Скажемъ только, что нѣкоторые изъ нихъ считались рѣзкими даже и въ то время, когда журнальная полемика не стѣснялась условіями приличія. Такъ, на примѣръ, при разборѣ «Сѣверной Звѣзды» въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1829 года (часть 28, № 14 стр. 220) сказано о статьѣ Бестужева-Рюмина: «Г. Завѣтный жестоко нападаетъ на литературное достоинство Г-да Плетнева и Бар. Дельвига. Все остальное въ сей статьѣ не стоитъ упоминанія; но неумѣстная смѣ-

лость Г-на Завѣтнаго противъ упомянутыхъ Литераторовъ едва ли не безпримѣрна, и потому должна быть замѣчена.»

Косвенный отвѣтъ на неприличныя замѣчанія Бестужева-Рюмина находимъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ, гдѣ напечатана (стр. 97) слѣдующая *Эпиграмма*, въ которой Бестужев-Рюминъ объявленъ наслѣдникомъ таланта и славы графа Хвостова, и, для большей ясности, подписанная *Арз.*, т. е. *Аристархъ Завѣтный*:

«Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славой;
Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
Питомецъ твой молодой, цвѣтушій, здравый,
Тебя смѣнитъ, великій нашъ пѣвецъ!
Се: внемлетъ мнѣ маститый собесѣдникъ,
Свершается судьбины произволь,
Является молодой его наслѣдникъ:
Свистовъ II вступаетъ на престолъ!»

Доказательствомъ, что эпиграмма попала прямо въ цѣль, можетъ служить слѣдующее посланіе Бестужева-Рюмина

КЪ АРЗ.,

въ отвѣтъ на его эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ, стр. 97.

Чтобъ подслужиться въ альманахъ
Своимъ произведеніемъ новымъ,
Въ нескладныхъ ты своихъ стихахъ,
Меня зовешь вторымъ Свистовымъ.
Но ихъ прочтя, всѣ говорятъ,
Что сталъ писать ты вяло, братъ.
Смотри: не будь вторымъ Вралевымъ!...

Ар. З.

(«Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 23, стр. 12).

Но едва ли не болѣе всѣхъ замѣчаній досаждали Дельвигу нападенія и намеки, являвшіеся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по поводу похвальнаго отзыва о «Стихотвореніяхъ» Дельвига въ «Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 годъ» И. В. Кирѣевскаго («Деница», альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ, стр. IX—LXXXIV). О сужденіяхъ Кирѣевскаго, безъ сомнѣнія, заслуживающихъ вниманія, сказано будетъ въ слѣдующей статьѣ; теперь же ограничимся указаніемъ вызванныхъ ими нѣкоторыхъ журнальныхъ выходовъ противъ Дельвига.

Г. Кирѣевскій, въ своемъ «краснорѣчивомъ и полномъ мыслей», по мнѣнію Пушкина, обозрѣніи русской словесности, говоритъ между прочимъ:

«Чувство религиозное, коимъ мы обязаны христіанству; романическая любовь; подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе, дитя сѣвера; всякаго рода фанатизмъ, необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустойчивъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и отсюда стремленіе къ единству и сосредоточенію, — вотъ новыя струны, которыя жизнь новѣйшихъ народовъ натянула на сердце челоука. Напрасно думаетъ онъ заглушить ихъ стонъ, ударяя въ лиру Греціи: онъ невольно отзывается на его пѣсню, и вмѣсто простаго звука является аккордъ. Таковы подражанія Дельвига. Его Муза была въ Греціи; она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ лиры Греческой; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія.» (Стр. LXIII—LIX.)

Эта *душегрѣйка* необыкновенно понравилась нѣкоторымъ журналистамъ.

«Выраженіе, конечно, смѣшное — говорить Пушкинъ въ своихъ запискахъ. — Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отзывается довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣрять наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ и безпристрастію критики.» (Сочиненія А. Пушкина, т. XI, стр. 233.)

Дѣйствительно, многіе изъ журналовъ того времени изошряли надъ этою *душегрѣйкой* свое остроуміе. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1830 года (№ 12) попалъ на Порфирія Байскаго какой-то рецензентъ *Порфирій Душегрѣйкинъ*, забавные промахи котораго были обличены въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. I, № 7, Смѣсь, стр. 55—56). Въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1830 года, журналъ особенно неблаговолившемъ къ Дельвигу, Пушкину и князю Вяземскому, *Баронъ Шпансъ фонъ Габенихтсъ* (имя, подъ которымъ, какъ увидимъ, не разъ выводили Дельвига) въ статьѣ «Опять литературный крючекъ!» (томъ XI, № XVI, Смѣсь, стр. 236) говорить, что рубленая проза, называемая пріятелями сочинителей стихами, прикрывается *душегрѣйкою новѣйшаго унынія*. Въ той же части «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» (№ XVII) напечатана на родія на идилліи Дельвига и на сужденія Кирѣевского: «Чудо въ пе-

щерѣ», древняя греческая идиллія *Аполлона Зевесова*. Приводимъ вторую половину этой идилліи:

«Всѣ устремились въ пещеру, и что же представилось взорамъ!
Муза, возросшая съ дѣтства подъ теплымъ Аттическимъ небомъ,
Ярко блеснувшая здѣсь на небѣ прошедшаго года, (82)
Ровный свѣтъ вдохновенія на всѣ проливаетъ минуты (83)
Лиру держитъ въ рукѣ, и громкіе слышны отъѣнки!
Подлѣ нее, съ головою поникшей, въ вѣнкѣ васильковомъ,
Юноша зрится. На сердце его натянуты струны
Жизнью новѣйшихъ народовъ. Печаленъ, угрюмъ онъ и мраченъ.
Сиверный вѣтеръ съ морозомъ, (то были ли козни Эола,
Бога вѣтровъ? неизвѣстно), дулъ непрестанно на Музу.
Юноша быстро набросилъ Музѣ озябшей на плеча,
Спѣху подобная, теплую ткань, душегрѣйку унынія!
Самую новую, только съ шёлки, и Муза, согрѣвшись,
Свѣжимъ, лавровымъ вѣнкомъ украсила юноши кудри.»

(Стр. 306—307.)

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 года въ разборѣ первой части «Монастырки» Погорѣльскаго (№ 5), которую «Литературная Газета» встрѣтила похвалою (1830 г., т. I, № 16, стр. 129), романъ Погорѣльскаго сравненъ съ «Федорою», повѣстью П. Сумарокова, причѣмъ сказано, что «еслибъ у сочинителя «Федоры» были пріятельскія сношенія съ *Феокритами подъ душегрѣйкой новѣйшаго унынія*, то давно бы гремѣла молва о «Федорѣ» между десятками читателей какой нибудь «Газеты». Отзвѣвъ «Московского Телеграфа» о «Монастыркѣ» былъ приведенъ въ нашемъ журналѣ при разборѣ смирскаго изданія сочиненій Погорѣльскаго («Современникъ» 1854, № VI, Библиографія, стр. 55—56). Въ «Московскомъ Телеграфѣ» же 1830 года явилась «Русская пѣсня въ душегрѣйкѣ новѣйшаго унынія» (№ 8, стр. 140), которая будетъ приведена при разборѣ пѣсенъ Дельвига. Въ «Сѣверномъ Меркуріѣ» 1830 года въ разборѣ «Денницы» (№ 23) читаемъ: «На LIX страницѣ г. Кирѣевскій увѣряетъ, что баронъ Дельвигъ набросилъ на свою Музу *душегрѣйку новѣйшаго унынія*. Воля Критика; но его статья совершенно закутана въ плащъ новѣйшей бессмыслицы.» Въ той же газетѣ на 1831 годъ г. Бурнашевъ, въ статьѣ «Новый годъ» (№ 1) намекаетъ на «одного изъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ», который, начавъ говорить о свайкѣ или о трепакѣ, непре-

(82) «Обратился къ тѣмъ первокласснымъ произведеніямъ нашей словесности которыя блеснули на литературномъ небѣ прошедшаго года» («Обозрѣвіе Русской Словесности» И. В. Кирѣевского, стр. XXIIV).

(83) «Муза Баратынскаго, обнявъ всю жизнь поэтическимъ взоромъ, лѣтъ равный свѣтъ вдохновенія на всѣ ея минуты.» (Тамъ же, стр. LIV).

мѣнно съѣдетъ на какую нибудь философическую мысль Шиллера, Гёте, Байрона или Виктора Гюго, — которую прикроетъ слегка полупрозрачною *душегрѣшкою новѣйшаго унынія*, взятою на прокатъ у Музы пріятеля своего». Въ примѣчаніи къ этой выходкѣ издатель «Меркурія» замѣчаетъ, что «эта *душегрѣшка новѣйшаго унынія* отъ частаго употребленія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ немного поизносилась; притомъ же въ крещенскіе морозы щеголять въ ней холоденъ. Въ зимнее время надлежало бы замѣнить ее плащомъ новѣйшей безсмыслицы.»

Душегрѣшку не оставили въ покоѣ даже издававшіеся на иностранныхъ языкахъ журналы. «Le Furet, journal de littérature et des théâtres» 1830 года (№ 78) говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Un jeune critique russe, ravi du talent de M. Delwig, s'écrie dans son extase: «Ce poète charmant sut jeter sur les épaules nues de la muse athénienne la douschagreika du sentimentalisme et de langue modernes.» Comprenez qui peut.» (Стр. 312.)

Вотъ небольшой образецъ задорной полемики, которая, возникающая обыкновенно изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, наполняла многіе литературные журналы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и ничего не доказывала кромѣ желанія спорить и браниться. Замѣтимъ, что мы не привели еще всѣхъ выходокъ по поводу *душегрѣшки*, о которой будемъ еще имѣть случай упомянуть ниже; теперь же возвращаемся къ біографіи Дельвига.

Лѣто 1829 года Дельвигъ провелъ въ Петербургѣ, на дачѣ у Крестовскаго перевоза въ Колтовской⁽⁵⁴⁾, бывшей тогда однимъ изъ самыхъ любимыхъ лѣтнихъ помѣщеній. Въ концѣ іюня Дельвигъ съ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи Сомова и В. П. Лангера ѣздили на Иматру. Въ Выборгѣ присоединился къ ихъ обществу извѣстный композиторъ М. И. Глинка съ однимъ ихъ общимъ знакомымъ, и всѣ они провели нѣсколько дней въ путешествіи по живописнымъ горамъ Финляндіи. Впечатлѣнія этой поѣздки описаны Сомовымъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Четыре дня въ Финляндіи. Письма къ одному пріятелю въ Москву» (М. А. Максимовичу), въ которыхъ, однакожь, не названы участвовавшіе въ поѣздкѣ...⁽⁵⁵⁾

⁽⁵⁴⁾ Сообщено М. А. Максимовичемъ.

⁽⁵⁵⁾ Первые четыре письма о поѣздкѣ въ Финляндію напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ» 1829 года (№№ 110, 111, 112, 114 и 116), а остальные два въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (№№ 34, 35 и 36). Описание этой поѣздки издано въ концѣ 1830 года отдѣльною книжкою, съ шестью видами описанныхъ мѣстъ, рисованныхъ съ натуры В. П. Лангеромъ и съ нотами финской пѣсни, записанной съ голоса М. И. Глинкой.

1829 и 1830 годы были для Дельвига самымъ дѣятельнымъ періодомъ жизни. Въ эти годы онъ продолжалъ изданіе своего альманаха, издалъ собраніе своихъ стихотвореній, участвовалъ въ чужихъ альманахахъ и предпринялъ новое изданіе, въ которомъ довольно часто являлись его критическія статьи.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ напечатано восемь стихотвореній Дельвига, именно: «Четыре возраста фантазій» (стр. 10), «Грусть» (стр. 52), «Слезы любви» (стр. 53), *Русская пѣсня*: «Какъ у насъ ли на кровелькѣ» (стр. 64), *Малороссійская мелодія*: «Я ль отъ стараго бѣжала» (стр. 65), «Удѣлъ поэта» (стр. 76) и двѣ большихъ идилліи: «Отставной солдатъ» (стр. 25) и «Изобрѣтеніе ваянія» (стр. 126)⁽⁵⁶⁾.

Съ 1825 по 1830 годъ Дельвигъ не участвовалъ въ чужихъ альманахахъ (за исключеніемъ названнаго выше, антологическаго сборника Яковлева), а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря успѣху «Полярной Звѣзды» и «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», альманахи, сборники, карманныя книжки и т. п. безпрерывно слѣдовали другъ за другомъ. Кромѣ многихъ названныхъ выше, до 1830 года явились: «Незабудочка», «Сѣверная лира», «Литературный Музеумъ», «Астраханская флора», «Памятникъ Отечественныхъ Музъ», «Драматическій Альманахъ», «Альбомъ Сѣверныхъ Музъ», «Полевые Цвѣты», «Енисейскій Альманахъ», «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», «Вѣнокъ Грацій», «Зимцерла», «Цефей» и проч., и проч. Но самымъ урожайнымъ годомъ для альманаховъ былъ 1830. Въ этомъ году, кромѣ новыхъ книжекъ прежнихъ альманаховъ, явились: «Альманахъ анекдотовъ», «Чертополохъ», «Радуга», «Эхо», «Комета», «Весенніе Цвѣты», «Московскій Альманахъ», «Царское Село», «Денница», и проч. Мода на альманахи была такъ сильна, что даже нѣкоторые авторы, какъ, напримѣръ, Трилунный, Сиговъ, Петровъ и другіе, вѣроятно для большаго сбыта своихъ бездарныхъ произведеній, издавали ихъ въ видѣ и подъ именемъ альманаховъ. Эти сборники, напечатанные на сѣрой бумагѣ и наполненные ювѣшескими, даже не совѣмъ грамотными опытами стихотворства, составлявшими ихъ главнѣйшій балластъ, успѣли въ короткое время надобѣсть читателямъ. Даже въ современныхъ имъ журналахъ, не слишкомъ взыскательныхъ въ литературномъ отношеніи, встрѣчаются выходки противъ составителей альманаховъ. Способъ ихъ составленія и степень участія въ нихъ извѣстнѣйшихъ писателей весьма вѣрно опредѣлены въ «Москов-

⁽⁵⁶⁾ Стихотворенія эти въ смурдинскомъ изданіи стихотвореній Дельвига помѣщены въ числѣ сочиненій, напечатанныхъ во смерти поэта (стр. 151, 153, 143, 145, 142, 135 и 156).

скомъ Телеграфѣ» 1830 года (часть 31, № 2) при разборѣ альманаха «Царское Село»: «Главное дѣло: достать стиховъ Пушкина, Баратынскаго, Дельвига, кн. Вяземскаго, Ф. Н. Глинки. Отправляютъ письма, просятъ знакомыхъ, умоляютъ дамъ, и иногда удается, что Пушкинъ, со смѣхомъ; или съ досадой, броситъ что-нибудь на *голье*(?) зубы альманахнику; то же князь Вяземскій; Баратынскій менѣе; Дельвигъ почти никогда.» (Стр. 235.)

Дельвигъ дѣйствительно «почти никогда» не отдавалъ своихъ произведеній въ чужіе альманахи. Изъ названныхъ нами онъ участвовалъ только въ «Царскомъ Селѣ», альманахѣ на 1830 годъ, изданномъ Н. М. Коншинымъ и барономъ Е. Ф. Розеномъ, и въ «Денницѣ», альманахѣ на 1830 годъ, изданномъ въ Москвѣ М. А. Максимовичемъ, извѣстнымъ издателемъ малороссійскихъ пѣсень.

При альманахѣ «Царское Село» приложенъ литографированный, весьма похожій портретъ Дельвига, рисованный съ натуры В. П. Лангеромъ⁽⁵⁷⁾. Вообще, въ альманахѣ барона Розена вполне выразилось, уже извѣстное нашимъ читателямъ, его восторженное уваженіе къ поэту: кромѣ его портрета издатель помѣстилъ въ своемъ альманахѣ приведенную выше «Загадку» Пушкина, въ которой заключалась самая тонкая похвала Дельвигу отъ имени перваго русскаго поэта (стр. 4); посланіе Деларю «П. И. М.», при врученіи стихотвореній Б. Д. (Дельвига), также полное похвалъ поэту (стр. 275); стихотвореніе Б. Р.—на (Розена) «Аделина» (стр. 145—147), въ которомъ упоминается о русской пѣснѣ Дельвига, и сказку Сомова «О медвѣдѣ костоломѣ и объ Иванѣ купецкомъ сынѣ», посвященную женѣ поэта, Б. С. М. Д....гъ (стр. 148—156)⁽⁵⁸⁾.

Изъ стихотвореній Дельвига въ «Царскомъ Селѣ» напечатаны: *Пѣсня*: «Что ты пастушка приуныма?» (стр. 3); отрывокъ изъ неизданнаго стихотворенія, сохранившагося въ рукописяхъ поэта, перепечатанный и въ альманахѣ 1831 года «Роза Грацій» (стр. 17), и знакомая уже нашимъ читателямъ «Застольная пѣсня» съ подписью Б. Д. (стр. 138—139), оба пропущенные въ смирдинскомъ изданіи.

Въ «Царскомъ Селѣ» есть еще рассказъ «Село Ивановское», съ подписью А. Владыге. Нѣкоторые видѣли въ этой подписи анаграмм-

⁽⁵⁷⁾ Дельвигъ, особенно занимавшійся гексаметромъ въ послѣдніе годы своей жизни, написалъ этимъ раамѣромъ письмо къ барону Розену, въ которомъ ублаждалъ его, между прочимъ, объ этомъ портретѣ:

«Лангеръ рожу рисуетъ мою, и, кажется, трафитъ.»

(Сообщено барономъ Розеномъ.)

⁽⁵⁸⁾ По поводу этой сказки *Ар. Зав.* (Аристархъ Завѣтный) написалъ статью подъ заглавіемъ: «Нѣчто о новомъ литературномъ поприщѣ, на которое поступаетъ О. М. Сомовъ». (Сѣверный Меркурій 1830 года, № 9, стр. 35—36.)

му имени Дельвига, и на этомъ основаніи считали его авторомъ разсказа. Предположеніе это высказано въ «Сѣверномъ Меркуріѣ» 1830 года (№ 9), при разборѣ альманаха «Царское Село», но оно справедливо только въ половину: псевдонимъ принадлежитъ двоюродному брату поэта, барону Александру Ивановичу Дельвигу, убитому двадцати-одного года отъ роду въ числѣ охотниковъ подъ Варшавою.⁽⁵⁹⁾

Въ «Денницѣ» напечатана только *Русская пѣсня* Дельвига: «По небу» (стр. 266), пропущенная въ смирдинскомъ изданіи стихотвореній. Дельвигъ доставилъ ее къ издателю альманаха при слѣдующемъ письмѣ:

«Почтеннѣйшій Михайло Александровичъ. Посылаю вамъ русскую пѣсню. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Лучше нѣтъ. Впередъ угрожу вамъ болѣе. Если бы здоровье мое было на что нибудь похоже, и теперь прислалъ бы что нибудь важнѣе. О. М. (Сомовъ) васъ будетъ просить участвовать въ газетѣ нашей. Я попрошу васъ лично. Надѣюсь въ семь мѣсяцѣ съ вами увидѣться. Будьте здоровы и любите васъ искренно любящаго и уважающаго Дельвига.»⁽⁶⁰⁾

Немногіе изъ русскихъ альманаховъ пользовались такимъ полнымъ и совершенно заслуженнымъ успѣхомъ, какъ «Денница», въ которой участвовали лучшіе представители нашей словесности. Появленіе альманаха вообще надѣлало много шума, какъ замѣчательнымъ «Обозрѣніемъ Русской Словесности за 1829 годъ» И. В. Кирѣевскаго, такъ и приключеніемъ съ С. Н. Глинкой по поводу стиховъ «Къ ***» С—мы Т—вой (Серафимы Тепловой).⁽⁶¹⁾ Въ двухъ остальныхъ книжкахъ «Денницы» на 1831 и 1834 годы нѣтъ ни одного стихотворенія Дельвига.

Несмотря на множество альманаховъ и періодическихъ изданій, несмотря на постоянно возрастающую потребность чтенія, у насъ

⁽⁵⁹⁾ Сообщено его братомъ, барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ. Изъ напечатанныхъ трудовъ его, кромѣ «Села Ивановскаго», намъ извѣстны: явившійся въ «Подсвѣжникѣ» 1829 года разсказъ «Маскарадъ» и переводъ «Упдины», волшебной повѣсти Ламоть-Фуке, изданной въ 1831 году отдѣльно. Похвальные отзывы объ этомъ переводѣ напечатаны въ «Литературной Газетѣ» 1831 года (т. III, № 23, стр. 189) и «Сѣверномъ Меркуріѣ» 1831 года (№ 59, стр. 239—240). Нѣсколько неизданныхъ сочиненій Александра Дельвига, по свидѣтельству его брата, находились у Сомова; но по смерти послѣдняго потерялись.

⁽⁶⁰⁾ Письмо это сообщено намъ М. А. Максимовичемъ. Оно писано 13 декабря 1829 года, какъ видно изъ приписки къ нему Сомова, который говоритъ, что посылаемая барономъ одна пѣсенька «поправится за десять». Нѣсколько строкъ изъ этой приписки приведены ниже. Дельвигъ былъ такъ лѣнивъ писать, что даже доставленная при этомъ письмѣ пѣсня въ нѣсколько строкъ переписана его женою; вся же корреспонденція по его изданіямъ была возложена на Сомова.

⁽⁶¹⁾ Сообщено М. А. Максимовичемъ.

еще не было критики, которая была бы въ состояніи установить общественное мнѣніе въ литературѣ. Восторженные возгласы и безусловное поклоненіе авторитетамъ, и въ то же время безконечные споры журналовъ о пустякахъ, никому не интересныя личныя мнѣнія ихъ издателей, взаимныя ругательства, ничего не доказывавшія, кромѣ невѣжества ихъ авторовъ, конечно, были весьма далеки отъ цѣли и значенія литературной критики. Издатели нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ судили и рядили русскую литературу по своимъ личнымъ соображеніямъ, между тѣмъ какъ другіе петербургскіе журналы или отживали свой вѣкъ, или только что начинали свое непрочное существованіе, и потому во всякомъ случаѣ не могли противодѣйствовать этому вредному вліянію.

Благомыслящіе читатели, которымъ не было никакого дѣла до грубыхъ личностей, оскорбительныхъ намековъ и закулисныхъ соображеній мелочнаго самолюбія и раздражительной бездарности, уже давно негодовали на эту враждебную успѣхамъ русской литературы журнальную монополию.... Русскіе читатели нуждались въ другихъ, правдивыхъ и безпристрастныхъ сужденіяхъ о нашей словесности, и были вправдѣ ожидать этихъ сужденій отъ ея лучшихъ представителей, какъ отъ судей призванныхъ, которые могли бы направлять общественное мнѣніе на путь добра и правды. Необходимость и пользу подобнаго противодѣйствія уже давно сознавали писатели. Въ 1829 году многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, упрости Дельвига издавать газету, которая представляла бы справедливую и безпристрастную оцѣнку литературныхъ произведеній, и въ которой участвовали бы писатели, не могшіе «по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.» («Литературная Газета» 1830 года, т. I, № 3, Слѣсь, стр. 24.) Предположенія Дельвига, касательно личнаго состава изданія, высказаны въ слѣдующемъ отрывкѣ неизданнаго письма Сомова къ М. А. Максимовичу:

«Надѣюсь и увѣренъ, что вы не оставите вашими вкладами «Литературной Газеты», которая будетъ выходить черезъ пять дней, и которой издателемъ Б. Дельвигъ, а редакторомъ — азъ. Пушкинъ, Баратынскій и многія другія *sommités littéraires* будутъ сотрудниками. Надѣмся, что и Кн. Вяземскій не откажется. Жуковскій обѣщается снабжать выписками изъ англійскихъ журналовъ и подѣ часть собственными произведеніями. Намъ нуженъ, однакожъ, рѣшительный сотрудникъ по части естественныхъ наукъ — и мы челомъ вамъ! Не покиньте друзей вашихъ. Лангеръ будетъ у насъ писать о художествахъ; Титовъ и Одоевскій тоже нашего полку.

Если вы дружны съ Кирѣевскимъ, то нельзя ли и его уговорить доставлять намъ кое-что изъ своихъ трудовъ...»⁽⁶²⁾

Программу предпринятой Дельвигомъ «Литературной Газеты» составляли: *Изыщная Словесность* (проза и стихи), *Библиографія*, *Критика* и *Слѣсь* (извѣстія о театрахъ, анекдоты, объявленія, ученныя извѣстія, и т. п.). Издатель заранѣе отказывался отъ «критической перебранки», и объявлялъ, что только «критики имѣющія въ виду не личныя привязки, а пользу какой либо науки или искусства, будутъ принимаемы.» («Московскій Телеграфъ» 1829 года, часть 30, № 24, стр. 470.) Дельвигу обѣщали содѣйствіе: Крымовъ, Жуковскій, Козловъ, Баратынскій, Языковъ, Катенинъ, Д. Давыдовъ, М. Д. Деларю, М. А. Максимовичъ, А. С. Норовъ, князь В. О. Одоевскій, П. А. Плетневъ, А. И. Погодинъ, баронъ Е. О. Розенъ, В. Г. Тепляковъ, Титовъ, В. Н. Шастный и многіе другіе. Но особенно дѣятельное участіе въ газетѣ приняли: Пушкинъ, возвратившійся въ ноябрѣ 1829 года въ Петербургъ изъ своей закавказской поѣздки, князь Вяземскій и Сомовъ, на котораго возложены были и хозяйственныя хлопоты по изданію. Газета являлась чрезъ пять дней, и каждый выпускъ ея равнялся объемомъ печатному листу большого формата. Въ краткомъ объявленіи о цѣли и программѣ газеты, напечатанномъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» и разосланномъ при первомъ номерѣ «Литературной Газеты», сказано, что писатели, помѣщавшіе въ продолженіе шести лѣтъ свои произведенія въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», будутъ постоянно участвовать и въ «Литературной Газетѣ»; но при этомъ оговорено, «что гг. издатели журналовъ, будучи заняты собственными повременными изданіями, не входятъ въ число сотрудниковъ сей газеты.» Впослѣдствіи редакция газеты гораздо опредѣлительнѣе и яснѣе высказала причины и цѣль изданія:

«... друзья литературы и правды желали видѣть откровенныя и безпристрастныя сужденія о произведеніяхъ словесности русской, желали находить мнѣнія о литературѣ вообще, а не вылазки отношеній личныя; и для сихъ-то читателей, постигающихъ истинную цѣль журнала литературнаго, издавалась Литературная газета... Существенно ея цѣлью было сообщать читателямъ справедливыя и безпристрастныя сужденія о словесности русской и другихъ образованныхъ странъ Европы, знакомить ихъ съ новыми произведеніями, заслуживающими вниманія или по неоспоримому ихъ достоинству, или по новостности своей и по извѣстности автора.» (Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ, «Обозрѣніе Россійской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года» Сомова, стр. 22—23).

⁽⁶²⁾ Письмо это, о которомъ упоминалось выше, доставлено намъ М. А. Максимовичемъ.

Не будемъ распространяться теперь, въ какой степени достигнута эта важная цѣль, и въ чемъ состоятъ достоинства и недостатки «Литературной Газеты.» Все это повело бы насъ слишкомъ далеко: полуторагодовное существованіе газеты такъ близко связано со многими другими современными ей періодическими изданіями, въ особенности съ «Сѣверной Пчелой», «Сѣвернымъ Меркуріемъ» и соединенными «Сыномъ Отечества» и «Сѣвернымъ Архивомъ», что, говоря о «Литературной Газетѣ», необходимо прослѣдить въ теченіе извѣстнаго времени полемику вообще и «литературную тактику» помянутыхъ изданій въ особенности, а это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета. Нѣсколько ниже (въ этой же статьѣ) мы будемъ имѣть случай слегка коснуться этой любопытной полемики; при разборѣ сочиненій Дельвига разсмотримъ его критическія статьи въ «Литературной Газетѣ» въ связи съ сопровождавшими ихъ обстоятельствами; подробно же разсмотрѣнію дѣятельности и значенія «Литературной Газеты» постараемся посвятить отдѣльную статью независимо отъ предлагаемаго труда.

Скажемъ теперь только, что появленіе «Литературной Газеты» было радостно привѣтствовано во многихъ журналахъ, тѣмъ болѣе, что первые листы газеты вполне удовлетворили ожиданіямъ читателей. Потребность новаго изданія была такъ велика, что одновременно съ «Литературною Газетою» Дельвига явилась еще литературная газета М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверный Меркурій», изданіе, вступившее, какъ увидимъ ниже, въ непосредственную борьбу съ изданіемъ Дельвига. Это убѣжденіе въ необходимости и пользѣ новыхъ журналовъ высказано княземъ П. А. Вяземскимъ въ стихотвореніи «1830 годъ»:

• На зло безграмотныхъ нахаловъ
И всѣхъ, кто только имъ съ родни,
Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодять читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.»

Редакцію «Славянина», въ которомъ напечатано это стихотвореніе (1830 г., ч. XIII, стр. 138), слѣдуетъ слѣдующая выноска къ третьему стиху приведеннаго отрывка:

«Небо умилостивилось надъ бѣдною Русскою Словесностью, услышало молитвы князя Вяземскаго. Въ нынѣшнемъ году издается новый журналъ (Олина) и двѣ литературныя газеты (Дельвихова и Бестужева) и всѣ самостоятельныя, независимыя отъ меркантильной системы.

Мнѣнія о книгахъ Барона Дельвига, Олина и Бестужева-Рюмина не продаются и въ наймы не отдаются. Сверхъ того сии писатели имѣютъ тонкій изящный вкусъ⁽⁶³⁾ и благородную страсть къ самой литературѣ, а не къ тому, что чрезъ оную литературу добывается...

Примѣчаніе Купца Грошевикова.

Въ то же время въ другомъ литературномъ лагерѣ увѣряли, что «Литературная Газета» у насъ не можетъ существовать, потому что у насъ нѣтъ литературы.

Газета существовала однакожь полтора года и, вѣроятно, существовала бы долго, еслибъ преждевременная смерть не отняла Дельвига у русской литературы, и еслибъ враги Дельвига не прибѣгли къ средствамъ нелитературнымъ для сокрушенія этого опаснаго антагонизма.

Но оставимъ пока литературныя распри, и возвратимся къ жизни поэта.

Въ концѣ января 1830 года Дельвигъ уѣхалъ въ Москву, въ которой прожилъ нѣсколько дней у тестя своего М. А. Салтыкова... «Сѣверные Цвѣты» (писалъ Дельвигъ къ М. А. Максимовичу по пріѣздѣ въ Москву) привѣтствуютъ появившуюся Денницу а славникъ ихъ желаетъ обнять самого Люцифера.» По этому извѣщенію московскіе пріатели поэта и вкладчики «Денницы» узнали о его пріѣздѣ. Дельвигъ проводилъ большую часть времени въ ихъ веселомъ обществѣ.⁽⁶⁴⁾ Между тѣмъ только-что явившаяся «Литературная Газета» издавалась и въ отсутствіе Дельвига прежнимъ порядкомъ при дѣятельномъ участіи Пушкина и князя Вяземскаго, многія сочиненія которыхъ являлись въ газетѣ безъ подписи.

Участіе Пушкина въ «Литературной Газетѣ» не прерывалось даже въ его отсутствіе. Въ мартѣ 1830 года онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ оставался до конца іюля; но въ теченіе этого времени напечатано въ «Литературной Газетѣ» нѣсколько его произведеній, въ томъ числѣ: надѣлавшій много шума въ то время, образцовый по языку и по мыслямъ разборъ нравственныхъ сочиненій Видока, (т. I, № 20, стр. 162), явившійся безъ подписи, и потому пропущенный въ собраніи «Сочиненій» Пушкина; присланное изъ Москвы «Посланіе къ К. И. Б. Ю***» (Юсупову), (т. I, № 30, стр. 240), напечатанное въ собраніи «Сочиненій» Пушкина подъ заглавіемъ «Къ

⁽⁶³⁾ Это мнѣніе Воейкова вызвало слѣдующее замѣчаніе Н. Полеваго: «Г-нъ Дельвигъ, или Дельвиховъ, какъ выходитъ по Грамматикѣ г-на Воейкова, и рядомъ съ нимъ Олинъ, Бестужевъ-Рюминъ, и все это одинаково самостоятельно, все это одинаково имѣетъ тонкій, изящный вкусъ! Удружилъ г-нъ Воейковъ!» («Московскій Телеграфъ» 1830 года, № 19, стр. 334).

⁽⁶⁴⁾ Сообщено М. А. Максимовичемъ.

вельможѣ» (т. III, стр. 172—176); «Калмычкѣ» явившееся подъ псевдонимомъ «Крс.» (т. II, № 38, стр. 11—12), напечатанное еще въ 1829 году и помѣщенное въ собраніи его «Сочиненій» (т. III, стр. 170—171), и проч. Возвратясь въ Петербургъ на нѣсколько дней, Пушкинъ въ послѣдній разъ видѣлся съ Дельвигомъ, жившимъ тогда съ своимъ семействомъ на дачѣ въ Колтовской у бывшаго Крестовскаго перевоза. Время шло весело и беззаботно; Дельвиго живлялъ окружавшее его многочисленное общество самую непринужденною веселостью, отражавшеюся отчасти и въ мелкихъ статьяхъ «Литературной Газеты» (№№ 40, 43, 45 и проч.), которыя составлялись нерѣдко при участіи Пушкина ⁽⁶⁵⁾.

Въ началѣ августа 1830 года Пушкинъ долженъ былъ ѣхать въ Боядино, нижегородскую деревню своего отца, для принятія и оцѣнки части, отданной ему во владѣніе. Пушкинъ ѣхалъ изъ Петербурга на Москву съ однимъ попутчикомъ; Дельвиго провожалъ его до Царскаго Села; попутчикъ же долженъ былъ догнать ихъ на дорогѣ. Поэты рано утромъ вышли пѣшкомъ изъ города. Дельвиго былъ веселъ и много говорилъ о задуманныхъ имъ произведеніяхъ.

Они разстались навсегда въ Царскомъ Селѣ, въ которомъ за двѣнадцать лѣтъ до того времени въ первый разъ встрѣтились другъ съ другомъ. Кто изъ нихъ могъ подумать, что это веселое, беззаботное разставанье будетъ послѣднимъ?

Въ жизни Дельвиго, бѣдной и происшествіями, и внутреннею дѣятельностью, неознаменованной ни трудомъ, ни плодотворнымъ вдохновеніемъ, выдается только одна яркая черта, на которую мы старались обратить особенное вниманіе читателей, дружба съ великимъ поэтомъ.

Несмотря на нѣкоторую степень самостоятельности, едва замѣтной возлѣ гениальной природы Пушкина, Дельвиго прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенія, и своею неожиданною извѣстностью. Немеркнувшая слава Пушкина, сохранившая много темныхъ именъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвиго неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія, и оно долго будетъ повторяться на лучшихъ страницахъ будущей исторіи нашей литературы.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе производила ихъ дружба въ разнородныхъ кружкахъ нашего литературнаго общества и укажемъ вызванныя ею сатирическія выходки современныхъ журна-

⁽⁶⁵⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

ловъ. Во второй статьѣ предлагаемаго труда мы объяснили журнальные намеки по поводу дружбы Дельвиго съ Баратынскимъ и Плетневымъ, и указали закулисныя причины этихъ журнальных ополченій; теперь слѣдуетъ то же самое въ отношеніи дружбы Дельвиго съ Пушкинымъ.

Неутомимый преслѣдователь *литературныхъ баловней вообще и баловня-поэта* Дельвиго въ особенности, добродушный Измайловъ, прежде всѣхъ направилъ свои стрѣлы противъ этой дружбы. Измайловъ постоянно досадовалъ на успѣхи ново-романтической школы, потому что видѣлъ въ нихъ залогъ близкаго паденія своего авторитета, но онъ не занялся своей памяти, принося убѣжденія въ жертву расчету. Онъ преслѣдовалъ то, что считалъ достойнымъ преслѣдованія, хотя нерѣдко и ошибался въ подобныхъ случаяхъ; но, сознавъ достоинства человѣка, не выбиралъ ихъ цѣлью своихъ преслѣдованій. Напротивъ того во всѣхъ его шуткахъ, часто плоскихъ, и почти всегда грубыхъ, проглядывало уваженіе къ истиннымъ достоинствамъ даже враждебнаго ему человѣка. Такое же впечатлѣніе производитъ слѣдующая басня его, понятная безъ всякихъ поясненій и нелишенная правды, несмотря на нѣкоторую грубость ея тона:

РОЗА И РЕПЕЙНИКЪ.

Репейникъ возгордился,
Да чѣмъ же? — Съ розою въ одномъ саду онъ росъ.

Иной молокососъ,
Который цѣлый курсъ проспалъ и пролѣнился,
А послѣ и въ писцы на дѣлѣ не годился,

Твердить, поднявши носъ:
«Съ такимъ-то вмѣстѣ я учился!»
Хорошъ тотъ, слова нѣтъ! Ему хвала и честь, —
Да что, скажи, въ тебѣ-то есть?

(Сочиненія Измайлова, томъ I, стр. 57—58, смірдявскаго изданія).

Намеки этой басни, кажется, не требуютъ поясненія.

Въ «Благонамѣренномъ», особенно отличавшемся преслѣдованіемъ возникавшей въ то время ново-романтической школы, которую онъ называлъ *обществомъ баловней поэтовъ*, напечатано съ подписью —й (1823 г., № XI, стр. 342) слѣдующее стихотвореніе, принадлежащее, какъ намъ достовѣрно, т. е. отъ самого автора, извѣстно, Б. М. Оедорову. Вотъ первыя строфы этого стихотворенія:

• Не вашъ, простите, господа;
Не шумными иду путями,
Любитель легкаго труда!

Вамъ честь и слава! Все предъ вами!
Не вашъ, простите, господа!

Мои стихи — вода водою;
Не мнѣ затѣливо писать!
Я не блисталъ въ нихъ мишурою
Ихъ даже можно понимать.

*Друзей моихъ съ Анакреономъ
Во фронтъ къ безсмертью неравнѣя,
И дико-мрачнымъ важнымъ тономъ
Мои безсмыслицы не читалъ* ⁽⁶⁶⁾.

Остальные восемь строкъ посланія заключаютъ намеки на нѣкоторыя стихотворенія Дельвига.

Безпрестанныя выходки противъ Дельвига въ «Благонамѣренномъ», выходки самой задорной недоброжелательности, не вызвали съ его стороны ни одного печатнаго возраженія. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на цѣлыя статьи, посвящаемыя разбору одного какого нибудь его произведенія, ни на стихотворенія, въ которыхъ онъ былъ выставленъ въ смѣшномъ видѣ, и это равнодушное презрѣніе еще болѣе бѣсило его противниковъ. Въ рукописяхъ Дельвига мы нашли одинъ только отвѣтъ на всѣ эти выходки, именно слѣдующее неизданное посланіе «Къ А. Е. И.» (Измайлову), исключенное поэтомъ изъ числа стихотвореній, предназначавшихся имъ для печати:

«Мой по Каменамъ старшій братъ,
Твоимъ я баснямъ цѣну знаю;
Люблю тебя, но виноватъ,
Въ тебѣ не все я одобряю.
Къ чему за нѣсколько стиховъ,
За плодъ невиннаго веселья ⁽⁶⁷⁾,
Ты стаю вооружилъ пѣвцовъ,
Бранящихъ все въ чаду похмѣлья.
Твои кулачные бойцы
Меня не выманятъ на драку.
Они, не спорю, молодцы,
Я въ каждомъ вижу забіяку;
Во всѣхъ ихъ взоръ мой узнаетъ
Литературныхъ Карбонаровъ;
Но, другъ мой, я не Донъ-Кихоть,
Не посрамлю моихъ ударовъ.»

⁽⁶⁶⁾ Дельвигъ читалъ стихи торжественно-мрачнымъ тономъ и нѣсколько на расиѣвъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Габлича.

⁽⁶⁷⁾ Намекъ на сочиненную Дельвигомъ пародію на «Смальгольмскаго барона», въ которой выведенъ Измайловъ. Отрывокъ изъ атой пародіи приведенъ въ третьей статьѣ о Дельвигѣ (стр. 40).

Это отсутствіе литературнаго донкихотства въ характерѣ Дельвига и презрѣніе ко всему, заслуживающему презрѣніе, было причиною равнодушія поэта и къ позднѣйшимъ противъ него выходкамъ журналовъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія Пушкина дружба обоихъ поэтовъ не вызвала печатныхъ замѣчаній и сатирическихъ намековъ. Молчаніе въ этомъ отношеніи продолжалось пѣкоторое время и по возвращеніи Пушкина. Но въ 1829 году издатель «Сѣверной Звѣзды» Бестужевъ-Рюминъ, завидовавшій всякому литературному успѣху и старавшійся отмстить равнодушіе къ себѣ публики на всѣхъ сколько нибудь пользовавшихся ея вниманіемъ, объявилъ въ своихъ «Мысляхъ и замѣчаніяхъ литературнаго наблюдателя», что слава Дельвига «непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ А. Пушкинымъ и Баратынскимъ», и что «литературскія произведенія его не дурны болѣе потому, что одна половина ихъ (исключая, впрочемъ, гекзаметровъ, въ коихъ многіе стихи по особенному роду своему основаны на новыхъ правилахъ, вводимыхъ собственно Барономъ Дельвигомъ) принадлежитъ Пушкину, а другая Баратынскому.» (Стр. 288—289).

Подобныя же намеки встрѣчаемъ и въ «Сѣверной Пчелѣ» 1830 года (№ 94), объявлявшей, что критическія статьи «Литературной Газеты» писаны не ея издателемъ. Отвѣтъ Дельвига на это обвиненіе напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. II, № 46).

Косвенный отвѣтъ на новыя изустно распространенныя неблаговидныя намеки и на увѣренія, что въ нашей литературѣ господствуетъ духъ партій, находимъ въ первой статьѣ «Объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ литературныхъ» («Литературная Газета» 1830 года, т. I, № 23), статьѣ, принадлежащей, безъ сомнѣнія, лицу близкому редакціи газеты, быть можетъ, Сомову, но только не Дельвигу и не Пушкину.

Это безцвѣтное и несвязное разсужденіе о духѣ партій и о литературной аристократіи вызвало въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1830 года (т. XI, № XVII) *Отвѣтъ издателя Альдебарана* (Альдебаранъ — отдѣлъ сатирическихъ статей, пародій, шуточныхъ стихотвореній, полемики, и т. п., то же, что въ «Московскомъ Телеграфѣ» «Живописецъ Общества и Литературы», въ «Славянинѣ» «Хамлеонистика», въ «Современникѣ» «Сочиненія Новаго Поэта» и «Ермашъ») *Господину Коврижскому* — имя, подъ которымъ, какъ увидимъ ниже, былъ выводимъ въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» князь П. А. Вяземскій. «Отвѣтъ» явился съ подписью *Иванъ Пытуховъ*, псевдонимъ, скрывавшій, вѣроятно, одного изъ издателей журнала.

Но особенно не понравилось разсужденіе «Литературной Газеты» Н. Полевому. Онъ даже объявилъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1830 года, № 14), что ни грамоты, ни дипломы ученыхъ не спасутъ отъ него худыхъ писателей, «хотя бы они были *самые знаменитые друзья*.» (Стр. 243).

Отвѣтъ на замѣчаніе Полеваго находимъ въ «Литературной Газетѣ» (1830 г., т. II, стр. 72), въ «Смѣси», составленной Дельвигомъ и Пушкинымъ. Пять статей этого отдѣла явились безъ подписи, и мы не знаемъ, которому изъ нихъ принадлежитъ возраженіе.

Всѣ эти толки объ аристократіи общественной и литературной, въ которыхъ и Пушкинъ принималъ близкое участіе, внушили ему извѣстное стихотвореніе «Моя родословная», отрывки изъ котораго были напечатаны въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

Издатели журнала не довольствовались собственными бессильными выходками противъ поэтовъ: когда явилась комедія К. П. Масальскаго «Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила» (1830 года), «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» (№ XXXVI), объявилъ, что въ городѣ носятъ слухи, «что Комедія *Классикъ и Романтикъ* написана на Издателя Л. Газеты», (Стр. 190). Быть можетъ, авторъ комедіи дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе, но лица, имъ выведенныя до такой степени блѣдны и чужды дѣйствительности, что о сходствѣ ихъ съ кѣмъ бы то ни было не можетъ быть и рѣчи⁽⁶⁸⁾. Впрочемъ когда въ «Галатѣ» и «Литературной Газетѣ» 1830 года явились неблагопріятные, но справедливые разборы этой комедіи (въ послѣдней (т. II, № 43) разборъ, явившійся безъ подписи, принадлежитъ Дельвигу), то г. Масальскій объявилъ въ «Письмѣ къ Издателямъ» «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» (т. XIII, № XXVIII, стр. 103—108), что въ его комедіи «всѣ лица вымышленныя», и что ему «остается сожалѣть, что разнеслись такіе неосновательные слухи». (Стр. 108).

XI томъ «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» отличался особеннымъ ожесточеніемъ противъ Пушкина, Дельвига и сотрудниковъ «Литературной Газеты». Издатели выводили самихъ сочинителей подъ вымышленными именами. Такимъ образомъ являлись пародіи съ подписями *Тома Пицалинъ* и *Африканъ Желтодомовъ*, долженствовавшими намекать на Пушкина, являлись статьи съ подписью *П. Коврижкинъ*, напоминавшею князя П. А. Вяземскаго, и па-

⁽⁶⁸⁾ Для читателей, которые хотѣли бы лично въ этомъ удостовѣриться, скажемъ, что комедія вышла въ 1830 году отдѣльною книжкою (Спб. въ 8 л. л.); а отрывокъ изъ нея (два первыхъ явленія) напечатанъ въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1830 года (т. XI, № XIII, стр. 49—54).

роліи на стихотворенія Воейкова («Изобрѣтеніе стекла» съ подписью *Нудъ Скучалкинъ*) и Дельвига. Пародіи на стихотворенія Дельвига являлись съ подписями *Аполлонъ Зевесовъ* и *Санримъ-Санрезоновъ*; самъ же Дельвиго былъ не разъ выведенъ подъ именемъ *Барона Шнапса фонъ Габенихтса*. Имя это встрѣчается въ первый разъ подъ статью «Опять литературный крючекъ» (№ XVI, стр. 236—243)⁽⁶⁹⁾. Намеки на значеніе этого имени встрѣчаемъ въ «Сѣверномъ Меркуріѣ» 1830 года (№ 48, стр. 198): «Въ старину — говоритъ К. Н. То — й — Русскіе Князья и знатные Бояре, какъ показываетъ Родословная книга, носили прозванія по физическимъ своимъ недостаткамъ и нравственнымъ свойствамъ, какъ на примѣръ: Князь Иванъ *косой*, Князь Дмитрій *рысій*, Бояринъ Федоръ *злой*, Князь Петръ *зрмой*, Бояринъ Гаврило *тупоумокъ* и проч. и проч. Въ 16-й книжкѣ Сына Отечества поймалъ кого-то на литературный крючекъ Баронъ *Шнапсъ фонъ Габенихтсъ*.» Въ «Запоздаломъ предисловіи къ Альдебарану» (№ XVI, стр. 244—246) извѣстный уже нашимъ читателямъ *П. Коврижкинъ* рассказываетъ въ письмѣ къ издателямъ Альдебарана, разумѣется ими же сочиненномъ, о своихъ пріятеляхъ *Баронъ Шнапсъ фонъ Габенихтсъ* и *Ряпушкинъ*. По сходству послѣдней фамиліи съ фамиліей Пушкина, не трудно угадать на кого мѣтилъ авторъ. Вотъ отрывокъ изъ этого письма:

«Исполать вамъ, господа Издатели Альдебарана! Продолжайте свой Альманахъ въ прозѣ и стихахъ, а публика, (особенно молодые читатели), удостовѣрся, какъ легко составлять наборъ гремучихъ словъ, темныхъ выраженій и писать гладкіе стихи безъ мыслей, будетъ осторожнѣе при раздачѣ славы и знаменитости. Ничего нѣтъ легче, какъ писать гладкій вздоръ или темную нелѣпость; но у насъ и этимъ ремесломъ многіе приобрѣли себѣ почетное названіе *сочинителей!* Разоблачайте же ихъ въ своемъ Альдебаранѣ! Но я боюсь на васъ грозы. Начнется тѣмъ, что васъ провозгласятъ людьми дурнаго тона, непринадлежащими къ высшему обществу, гдѣ авторское достоинство опредѣляется званіемъ, родствомъ, связями и рекомендаціей. Мнѣ же сказывалъ пріятель мой и великій Поэтъ, Баронъ Шнапсъ фонъ Габенихтсъ, Славянинъ по душѣ, что вы не любите искать похвалъ по рекомендаціямъ, и опредѣляете достоинство сочиненія не именемъ Сочинителя, но содержаніемъ и изложеніемъ. Это весьма не хорошо! Вы хотите быть Авторами, читанными далеко и высоко, а не подумали, что для этого надобно быть въ связяхъ и въ родствѣ. На примѣръ, хотя о подвигахъ рода Барона Шнапса фонъ Габенихтса

⁽⁶⁹⁾ Въ отрывкѣ изъ комедіи «Андрей Бичевъ или Смѣшныя мнѣ люди», напечатанномъ въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1829 года (ч. 4, стр. 168—183) съ подписью — *стѣ* — *въ*, есть дѣйствующее лицо *Баронъ фонъ Габенихтсъ*, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ Дельвиго.

и молчить суровая Исторія, но мы недавно отыскали, въ развалинахъ одной Чухонской кирки, ребро, которое призвано принадлежащимъ знаменитому предку Барона Шнапса фонъ Габенихтса, воспѣли это ребро въ стихахъ (намекъ на извѣстное посланіе Пушкина къ Дельвигу о черепѣ его дѣда), и сдѣлали изъ него палицу, для пораженія всѣхъ критиковъ, которые не докажутъ древности своего рода. — Берегитесь! Другой пріятель мой, также старѣй дворянинъ, прозвищемъ Япушкинъ, превосходящій подражаніями Вальтера Скотта и Вашингтона Ирвинга, уже болѣе десяти лѣтъ занимается Статистикою и Физическою Географіей переднихъ въ знатныхъ домахъ (?!). Поднимаясь безпрестанно на цыпочки, онъ вѣрно вскорѣ возвысится, и тогда будетъ вамъ другая бѣда, когда, въ исчисленіи жителей переднихъ, онъ не покажетъ Издателей Альдебарана! Но я давно слыхалъ, что вы не трусливаго десятка, и потому надѣюсь, что Альдебаранъ не прекратится. Прощайте! — Вашъ и проч.

И. Коврыжкинъ.

Сочинитель Тысяча и одного предисловія. (Стр. 245—246).

Нужно ли говорить, что подобныя выходки оставались безъ возраженій?

Какія же причины этого ожесточеннаго ополченія противъ Дельвига, Пушкина и «Литературной Газеты»? Главнѣйшею виною поэтовъ противъ ихъ преслѣдователей было энергическое противодѣйствіе критикъ, не имѣвшей другого основанія кромѣ личныхъ и не литературныхъ соображеній издателей, противодѣйствіе, органомъ котораго была основанная Дельвигомъ «Литературная Газета». Враждебныя отношенія обѣихъ сторонъ окончателно высказались съ появленіемъ первыхъ листковъ новаго изданія. Всѣ мѣткіе выстрѣлы въ этой перестрѣлкѣ были со стороны «Литературной Газеты», что еще болѣе раздражало ея противниковъ. Не обременяя вниманія читателей подробностями этой журнальной войны, ограничиваемся только *указаніемъ* нѣкоторыхъ главнѣйшихъ ея эпизодовъ. Когда вышелъ въ свѣтъ романъ г. Булгарина «Димитрій Самозванецъ» (1830 г.), въ «Литературной Газетѣ» явился весьма справедливый разборъ этого произведенія (т. I, № 14, стр. 112—113).

Статья эта, писанная, какъ сказано въ «Денницѣ» 1831 года (стр. XLV), Дельвигомъ, что подтвердилъ намъ и письменно М. А. Максимовичъ, была приписана Пушкину⁽⁷⁰⁾, и вызвала въ «Сѣверной Пчелѣ» (№№ 35—39) примѣчательный разборъ VII главы «Евгенія Онегина».

⁽⁷⁰⁾ «А. С. Пушкину предлагали написать критику Историческаго романа Г. Булгарина. Онъ отказался....» (Литературная Газета 1830 года, т. II, № 45, Смѣсь, стр. 72).

Дельвигомъ отвѣчалъ на него анонимнымъ возраженіемъ, напечатаннымъ въ «Литературной Газетѣ» (т. I, № 20, Смѣсь, стр. 161).

Пушкинъ напечаталъ въ 20 № «Литературной Газеты» 1830 года (Смѣсь, стр. 162) мнѣніе о переводившихся въ «Галатѣ» сочиненіяхъ Вилока, мнѣніе весьма замѣчательное, надѣлавшее въ свое время много шума. Мнѣніе это, напечатанное безъ подписи Пушкина, пропущено въ собраніи его «Сочиненій», хотя въ высшей степени заслуживаетъ вниманіе. Читатели найдутъ въ немъ ключъ къ объясненію многихъ вопросовъ. Если прибавимъ къ этимъ фактамъ разборъ перевода «Ивана Выжигина» на нѣмецкій языкъ («Литературная Газета», т. I, № 34, стр. 275—276), разборъ, явившійся безъ подписи, но, какъ намъ извѣстно, принадлежащій Дельвигу; разборъ сочиненій г. Булгарина (тамъ же, т. II, № 46, стр. 79—80) также явившійся безъ подписи; эпиграмму: «Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь» (тамъ же, т. II, № 53, стр. 136), напечатанную безъ подписи, но, какъ говорятъ, принадлежащую Пушкину; замѣчанія на сужденіе г. О. Б. объ «Исторіи Русскаго Народа» Н. Полеваго (тамъ же, № 54, Смѣсь, стр. 147—148) не подписанныя, но принадлежащія Дельвигу, какъ видно изъ рукописей поэта, да извѣстную эпиграмму Пушкина, которою издатели «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» поспѣшили украсить свой журналъ (т. XI, № XVII, Смѣсь, стр. 303), то мы назовемъ *главнѣйшіе* факты этой хроники, *главнѣйшія* закулисныя причины выходокъ, которыя съ 1830 года являются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ противъ Дельвига, Пушкина и ихъ сотрудниковъ.

Взглянемъ теперь на выходки другого литературнаго кружка противъ Пушкина и Дельвига.

Въ «Сѣверномъ Меркуріѣ» 1830 года (№№ 49 и 50) напечатанъ рассказъ Бестужева-Рюмина «Сплетница» съ подписью VI. XI., въ которомъ выведены Дельвигомъ, Пушкинъ и многіе другіе писатели и журналисты. Главное дѣйствующее лицо рассказа — Дельвигомъ, а содержаніе — памфлетъ поэта, ничѣмъ, однакожъ, не подтверждаемое, поспорить нѣкоторыхъ петербургскихъ журналистовъ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевымъ. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого рассказа, не отличающагося правдивостью и чистотою памфлетной, но не лишеннаго остроумія и веселости.

.... «Мавра Ивановна Крупина, Эмилія Венедиктовна Критиковская, Матрена Алексѣевна Лѣсная и Аделаида Антоновна Габенихтсина, всѣ четыре суть содержательницы магазиновъ, въ коихъ торгуютъ онѣ

Т. XLVII Отд. III.

одинаковыми товарами, только различной доброты ⁽⁷¹⁾. М. И. Крупина и Э. В. Критиковская содержат одинъ магазинъ пополамъ, а М. А. Лѣсная торгуетъ въ своемъ одна....»

А. А. Габенихтсина открыла свой магазинъ очень недавно, не болѣе четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ. Разузнется, она на первый разъ, подобно другимъ магазинамъ, пустилась на хитрости: сдѣлала приманчивую вывѣску къ своему магазину, и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нѣсколькихъ своихъ пріятельницъ, будто бы не хотѣвшихъ выставлять на показъ въ другихъ магазинахъ свое рукодѣлье ⁽⁷²⁾. Если сказать правду, то она, при открытіи своего магазина, имѣла цѣль довольно основательную: нѣкоторыя изъ реченныхъ ея пріятельницъ работали прежде прилежно, стараясь, по возможности, представлять издѣлія свои въ лучшемъ видѣ, и потому продавали ихъ весьма успѣшно хотя и крайне дорогою цѣною. Въ послѣдствіи времени, онѣ избалованныя тѣмъ, что имѣли много покупателей, стали лѣниться и начали работать кое-какъ, лишь-бы съ рукъ сбыть, да взять денежки. Публика, увидѣвъ, что за рѣшительный вздоръ (подъ этимъ словомъ Бестужевъ-Рюминъ разумѣетъ сочиненія Пушкина) по пяти и по десяти рублей платитъ не для чего, естественно охладѣла къ покупкѣ рукодѣлья пріятельницы Аделаиды Антоновны. Эта послѣдняя, видя,

⁽⁷¹⁾ Читатели, безъ сомнѣнія, узнали подъ этими именами издателей «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива», «Московского Телеграфа» и «Литературной Газеты». О журналистѣ Крупинѣ Бестужевъ-Рюминъ упоминалъ уже въ стихотвореніи «Кто истинно счастливъ» («Сиріусъ» 1826 года, стр. 65), гдѣ есть намеки и на другихъ писателей. Вотъ двѣ строфы этого стихотворенія:

«Какъ счастливъ тотъ, кому двустрочныхъ
Твореній страсть сульбой дана;
Кто избѣжалъ весьма непрочныхъ
Хвалъ журналиста Крупина.

Какъ счастливъ тотъ, кто Ламартина
Съ Риомотчачевымъ не равнялъ;
Кто надъ элегіями Мглина

Отъ смѣха слезъ не проливалъ.» (Стр. 66).

Полевой былъ выведенъ подъ такимъ же псевдонимомъ въ «Сѣверной Ичелъ» 1825 года (№ 116), гдѣ было напечатано «Письмо красильнаго фабриканта», о названіяхъ цвѣтовъ въ лѣтописи Модъ № 16 «Московского Телеграфа» 1825 года, съ подписью *Николай Лѣсной*.

⁽⁷²⁾ Намекъ на объясненіе Дельвига, что «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, немогшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ» («Литературная Газета» 1830 г., т. I, № 3, Смѣсь, стр. 24).

По случаю этого же объясненія «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» 1830 г. замѣтилъ (т. XI, № XVI, что «Литературная Газета» «сама сказала о себѣ, что издается не для публики, но только для нѣкотораго числа писателей, и держитъ крѣпко слово.» («Опять литературный крючекъ», стр. 237).

что дѣло приходитъ плохо, разсудила открыть свой магазинъ, чтобы имѣть случай подавать голосъ въ пользу своихъ пріятельницъ и защищать ихъ отъ огласки другихъ магазинщицъ, которыя начали указывать на нихъ пальцами. Если теперь поступаетъ въ продажу чтонибудь изъ рукодѣлья ея пріятельницъ, то Аделаида Антоновна такъ и разсыпается милкимъ бѣсомъ, и не знаетъ какъ бы лучше расхвалить мастерство дорогой кумушки. Такъ, напримѣръ, однажды она восклицала «купите мои милостивцы, купите мои родимые, купите мои голубчики!» ⁽⁷³⁾. Эта штучка произведетъ надъ вами такое же дѣйствіе, какъ зрѣлище нѣкогда милыхъ намъ мѣстъ, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелесть ихъ не измѣнилась: но мы ⁽⁷⁴⁾, разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувстваванія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Мастерца до такой степени совершенства довела искусство свое, что вы, пока еще не успѣете замѣтить *оного* («курсивъ въ подлинникѣ»), станете мысленно укорять мастерицу въ «недокончанности цѣлой ея работы. Но это самое впечатлѣніе, это желаніе переменъ въ чувстваваніяхъ и неудовлетворительность надеждъ, есть *верхъ искусства художницы* («курсивъ въ подлинникѣ»). Власть ея надъ нами столь сильна, что она не только вводитъ насъ въ кругъ изображаемыхъ ею предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрѣлища «постороннія, и велитъ участвовать въ дѣйствіи самомъ, какъ будто-

⁽⁷³⁾ Намекъ на рецензію седьмой главы «Евгенія Онегина» въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. I, № 17, стр. 135). Едва ли она принадлежитъ Дельвигу, потому что и слогъ ея представляетъ значительную разницу въ сравненіи съ слогомъ другихъ его рецензій, и въ рукописяхъ поэта ея не оказалось. Во всякомъ случаѣ, для объясненія послѣдующаго, привожу изъ нея небольшой отрывокъ:

«Чтеніе седьмой главы Онегина такое же производитъ надъ нами дѣйствіе, какъ зрѣлище нѣкогда милыхъ намъ мѣстъ, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелесть ихъ не измѣнилась: но мы, разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувстваванія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Авторъ до такой степени совершенства довела искусство свое, что читатель, пока еще не успѣетъ замѣтить поэтическаго обмана въ произведеніи, можетъ быть, станеть мысленно укорять Поэта въ «недокончанности цѣлой картины. Но это самое впечатлѣніе, это желаніе переменъ въ чувстваваніяхъ и неудовлетворительность надеждъ, есть *верхъ искусства Художника*. Власть его надъ нами столь сильна, что онъ не только вводитъ насъ въ кругъ изображенныхъ имъ предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрѣлища «постороннія, и велитъ участвовать въ дѣйствіи самомъ, какъ будто бы оно казалось для насъ собственно. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о Королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника.»

⁽⁷⁴⁾ «Въ этомъ случаѣ подъ словомъ *мы*, Адел. Ант. разумѣла себя и ту мастерицу, о работѣ коей шла дѣло, и которая, невидимо для покупателей, подсаживала ей рѣчь сію.» *Примѣчаніе Бестужева-Рюмина*.

«бы оно касалось до насъ собственно. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ «одномъ Королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника». Окончивъ длинную сію панегирику, Адел. Ант. прокричала *da capo*: «купите мои милостивцы, купите мои родимые, купите мои голубчики!» Въ другой разъ кто-то замѣтилъ Адел. Ант., что въ расхваливаемомъ ею рукодѣльницѣ ея пріятельницы есть много чужаго, принадлежащаго искусству другой художницы. Ахъ, какъ тогда разворачалась Адел. Ант.!... (75) Вотъ что она говорила: «что вы, злые люди! мастерство дорогой моей Александры Сергѣевны (читатели, вѣроятно, догадались, что подъ этимъ именемъ выведенъ А. С. Пушкинъ) лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотою!... «Если чѣмъ она и занялась отъ другихъ, то сими хищеніями «удачно, съ искусствомъ ей свойственнымъ, украсила превосходное «свое рукодѣлье!» — Въ третій разъ, при выставкѣ одной старой работы, которая была уже извѣстна, Адел. Ант. восклицала: «добрые люди! глядите и пересматривайте съ восхищеніемъ это поповленное «рукодѣлье дорогой моей кумушки Александры Сергѣевны (76). Человѣкъ не лишенный чувства изящнаго, не устанетъ смотрѣть на подобныя вещи, какъ охотникъ до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому что все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неподдѣльной красотѣ этой драгоценности. Дорогая моя кумушка Александра Сергѣевна достигла въ этой вещи до неподражаемой зрѣлости искусства, и во многихъ мѣстахъ обнаружила истинное дарованіе, съ большимъ блескомъ въ послѣдствіи развившееся въ двухъ другихъ ея рукодѣльяхъ», изъ коихъ одно (NB. по словамъ Адел. Ант.), хотя и за пять лѣтъ предъ симъ сдѣлано, но кромѣ ея, Адел. Ант., и дорогой ея кумушки, знаменитой художницы, Алекс. Серг., едва ли и двумъ еще христіанскимъ душамъ извѣстно; слѣдственно, невѣдомое для всѣхъ можно превозносить до *non plus ultra*. Кто будетъ спорить о томъ, чего не

(75) Намеки на разборъ въ «Сѣверной Пчелѣ» седьмой главы «Евгенія Олѣгина» и отвѣтъ на него Дельвига, указанные выше.

(76) Намекъ на рецензію третьяго изданія «Бахчисарайскаго Фонтана», въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. I, № 22, стр. 177—178), напечатанную безъ подписи, но, какъ видно изъ рукописей Дельвига, принадлежащую нашему поэту. Для поясненія послѣдующихъ строкъ, пародирующихъ рецензію Дельвига, приводимъ изъ нея небольшой отрывокъ:

«Мы читали и перечитывали въ третьемъ изданіи *Бахчисарайскій Фонтанъ*. Человѣкъ не лишенный чувства изящнаго, не устанетъ читать подобныя сочиненія, какъ охотникъ до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому что все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неподдѣльной красотѣ своей драгоценности. Пушкинъ въ сей поэмѣ достигъ до неподражаемой зрѣлости искусства въ поэзіи выраженной, а въ сценѣ Заремы съ Маріей уже ясно обнаружилъ истинное драматическое дарованіе, съ большимъ блескомъ въ послѣдствіи развившееся въ трагедіи *Борисъ Годуновъ* и въ исторической поэмѣ *Полтава*». (Стр. 178).

знаеть? — Уловка мастерская! Хитра-же Адел. Антоновна! Честь ей и слава! — *Vive l'amitié!*» (№ 49, стр. 194—196).

«Изъ всего вышеписаннаго читатели ясно видятъ (впрочемъ, они давно уже знали это и безъ сего указанія), что Адел. Ант. большая художница въ искусствѣ расхваливать рукодѣлье своихъ пріятельницъ. Мы люди безпристрастные, и скажемъ, что одна изъ нихъ, о которой говорено выше, Алекс. Сергѣевн, дѣйствительно была прежде изъ лучшихъ мастерницъ въ своемъ родѣ, но начавъ дѣлаться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая, по прежнему, будетъ сходиться съ рукъ удачно. Но вышло совсѣмъ иначе. Между тѣмъ, въ послѣдствіе времени, появились новыя молодыя художницы, которыя и первыми опытами своего искусства поселили во всѣхъ пріятную и несомнѣнную надежду, что онѣ, въ скоромъ времени, если не перещеголяютъ Алек. Сергѣевн., то по крайней мѣрѣ войдутъ въ счастливое съ нею соперничество (77). Разумѣется, что это произвело роковой ударъ для сей послѣдней, которая бывъ сама чрезвычайно убѣждена въ превосходствѣ своего дарованія, самолюбивѣе въ этомъ отношеніи всякой кокетки. Изъ числа сихъ грядущихъ соперницъ Александр. Сергѣевн. можно отличить противу прочихъ Людмилу Ивановну, родомъ Кіевлянку; жаль, что прозваніе ея забыто мною, но оно, если не ошибаюсь, напоминаетъ что-то о прекрасной Подоліи. Людмила Иван. недавно представила публикѣ одно весьма милое произведеніе своего искусства, которое только что попало въ руки Адел. Ант., то сдѣлалось жертвою своевольныхъ ея причудъ: она по силѣ такого-то § устава, утвержденнаго при заключеніи ею съ своими пріятельницами завѣтнаго союза, изгрызла зубами и изцарапала ногтями миленькое рукодѣлье Людм. Иван. (78). Это бы ничего, ибо Адел. Ант. сердита, а не сильна, слѣдственно не можетъ сдѣлать никому вреда; но жаль только то, что нѣкоторыя другія магазинницы, торгующія въ Москвѣ, не зная истинной причины такого поступка Адел. Ант., почли оныи основательнымъ, и можетъ быть полѣнясь сами хорошенько разглядѣть новую работу Людм. Иван., распустили о ней неблагопріятные слухи въ своихъ магазинахъ, основываясь, повидимому, на мнѣніи Адел. Ант.»

(77) Авторъ намекаетъ, какъ увидимъ ниже, на успѣхъ первыхъ произведеній Авдрия Ивановича Подолинскаго.

(78) Авторъ разумѣетъ довольно строгій разборъ «Нищаго», поэмы А. И. Подолинскаго, напечатанный въ «Литературной Газетѣ», т. I, № 19, стр. 152—154) безъ подписи, принадлежавшій Дельвигу, какъ оказывается изъ рукописей поэта. Бестужевъ-Рюминъ, посвятившій разбору поэмы нѣсколько статей въ своемъ «Сѣверномъ Меркуріи», 1830 года (№№ 35, 36, 37, 38, 39, 40 и 41), спрашивалъ по поводу рецензіи Дельвига (вышедшей 1 апрѣля), «не подслутилъ ли это почтенный издатель Л. Г. для 1 апрѣля?.. («Сѣверный Меркурій», 1830 года, № 40, «Смѣсь», стр. 152). Противъ статьи Дельвига вооружился и «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» 1830 года (т. XIV, № XXXVI, «Смѣсь», стр. 199).

«Надобно замѣтить еще, что Адел. Ант. великая проказница. Несмотря на то, что она, какъ можно судить по ея прозванію, не коренная Россіянка, она иногда любитъ щеголять въ старинномъ Русскомъ нарядѣ (намекъ на русскія пѣсни), который (повторяемъ, что мы люди безпристрастные) иногда идетъ ей весьма къ лицу и дѣлаетъ ее довольно миловидною. Недавно одинъ проказникъ, записной умникъ, въ родѣ метафизика Хемницера, увидѣвъ на ней русскую душегрѣйку, до такой степени влюбился въ Адел. Ант., что пришелъ въ изступленіе, и въ метафизическомъ бѣснованіи своемъ проговорилъ ей длинную кудряво-нескладно-похвальную рѣчь (которой, разумѣется, никто не понялъ, и которая вскружила голову Адел. Ант., ибо она отвѣчала ему столь-же огромною и столь-же нескладною рѣчью), и назвалъ эту душегрѣйку — какимъ именемъ, думаете вы? не отгадать вамъ: — *душегрѣйкою новѣйшаго умнѣя!* — Эка притча! — воскликнуть люди нехитрые. — Между тѣмъ Адел. Ант. часто приходитъ въ голову наряжаться въ Греческій костюмъ, въ которомъ она крайне курьезна и манерна; авось найдется еще какой нибудь рѣхнувшійся Шеллигистъ, который для образца новѣйшей безсмыслицы опишетъ ее и въ этомъ нарядѣ.»

...«Адел. Ант. не такъ дальновидна, распорядительна и трудолюбива, чтобъ быть ей самой содержательницею магазина, и потому, на сихъ дняхъ, она пошла въ такой просакъ, который очевидно обнаружилъ ея простоту. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве упрекать ее грѣшно или по крайней мѣрѣ не должно, ибо мать-природа создаетъ насъ такимъ образомъ, какъ ей хочется: слѣдственно, въ чемъ мы тутъ сами виноваты?... Хотя и есть при Адел. Ант. одна смышленная мастерица, по имени Василиса Михайловна Китова (нетрудно узнать подъ этимъ именемъ Ореста Михайловича Сомова), которую она нанимаетъ для соблюденія всегдашней исправности въ своемъ магазинѣ; которую она во всемъ руководствуется, и считаетъ за благо слѣдовать просвѣщеннымъ ея совѣтамъ, совершенно надѣясь на ея смѣлливость, и якобы отличное знаніе своего дѣла, — но и на Вас. Мих. часомъ находить, какъ говорится, столбнякъ. Эта Вас. Мих., за нѣсколько предъ симъ времени, жила въ магазинѣ М. И. Крупиной и Э. В. Критиковской также въ званіи мастерицы, но за чрезмѣрное требованіе себѣ жалованья (за такіе труды, которыхъ не творила, и за такія способности, которыхъ не имѣть;) за великое хвастовство о своихъ знаніяхъ и за нѣкоторые неправедныя дѣла, — получила отъ нихъ увольненіе съ не весьма одобрительнымъ аттестатомъ, и поступила во вновь открывшійся магазинъ Адел. Ант., которая, по выше-сказаннымъ причинамъ, имѣла въ ней необходимость. Вас. Мих. востребовалась для нея, какъ такая особа, которая можетъ замѣнить собою нѣчто въ родѣ Секретаря, подобнаго тому Секретарю, о коемъ гласитъ извѣстная басня знаменитаго нашего И. А. Крылова, подъ названіемъ: Оракуль, — Секретаря, при коемъ, какъ говорить почтенный Баснописецъ,

будто встарь
Судей такихъ выдали.
Которые весьма умны бывали.
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Хотя полного смысла сей басни и не должно относить къ Вас. Мих., ибо она не имѣетъ такого великаго ума, какой нуженъ для Секретаря, о коемъ говорится въ этой баснѣ, могущемъ творить своего Судью *умнымъ*, — но какъ здѣсь дѣло идетъ объ Адел. Ант., то въ этомъ случаѣ можетъ служить достаточнымъ поясненіемъ нашей рѣчи слѣдующая простонародная Русская пословица: *по Селькѣ шапка!* — (№ 50, стр. 197—199.)

Вотъ какія ополченія составлялись противъ Дельвига и Пушкина, въ дружбѣ которыхъ противники видѣли какой-то литературный заговоръ, не безъ причины опасаясь для себя его послѣдствій. Всѣ эти выходки, нѣрѣдко переходившія за черту приличія, нисколько не раздражали поэта. Кромѣ приведеннаго выше отвѣта «На критику Галатен» Дельвигъ «не посрамилъ своихъ ударовъ», не напечаталъ ни одного слова въ свою защиту.

Возвращаемся теперь къ прерванной біографіи поэта.

Незабвенный трудъ Гнѣдича, явившійся въ концѣ 1829 года, подалъ Дельвигу мысль приняться за изученіе греческихъ классиковъ. Дельвигъ не зналъ греческаго языка, но намѣренъ былъ ему выучиться, чтобъ оцѣнить переводъ «Иліады», и для этой цѣли приискалъ уже студента хорошо знавшаго греческій языкъ. Онъ также хотѣлъ перевести Анакреона, а потомъ «Одиссею», которую предпочиталъ даже «Иліадѣ»⁽⁷⁹⁾; но близкая смерть воспренятствовала исполненію этихъ намѣреній⁽⁸⁰⁾.

Дельвигъ, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, наслаждался полнѣйшимъ здоровьемъ, которое только въ послѣдніе полгода его жизни было разстроено нравственными потрясеніями. Не касаясь его семейныхъ обстоятельствъ, скажемъ только о непріятностяхъ литературныхъ, имѣвшихъ большое вліяніе на Дельвига и, какъ говоритъ, ускорившихъ его кончину. Въ «Литературной Газетѣ» 1830 года (т. II, № 45, августа 9), въ «Смѣси» (стр. 72), составленной Пушкинымъ и Дельвигомъ, есть нѣсколько строкъ о литературной аристократіи. Эта статья, обратившая на себя вниманіе

⁽⁷⁹⁾ Сообщено М. Д. Деларю.

⁽⁸⁰⁾ Такое же предпочтеніе «Одиссеѣ» отдавалъ и покойный Катенинъ въ «Размышленіяхъ и Разборахъ» (Литературная Газета 1830 года, т. I, № 9, стр. 70).

многих и вызвавшая возраженіе въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 года (№ 14, стр. 240), стоила Дельвигу большихъ непріятностей. Изданіе газеты замедлилось: № 65 (ноября 17) явился только 8 декабря, т. е. позже опредѣленнаго срока тремя недѣлями, и отвѣтственно редакторство газеты принялъ на себя Сомовъ. Съ тѣхъ поръ газета утратила свой отличительный характеръ, и видимо клонилась къ упадку: полемическія статьи почти прекратились, критика потеряла остроту и самостоятельность сужденій, произведенія извѣстныхъ и лучшихъ писателей являлись рѣже и рѣже, газета стала опаздывать выходомъ (последній № ея (72) вышелъ въ февралѣ 1831 года), а потому при подпискѣ на слѣдующій годъ значительно уменьшилось число ея читателей. Но «Литературная Газета» уже сдѣлала свое дѣло, разоблачивъ многія явленія въ нашей литературѣ, лишивъ послѣдняго довѣрія пристрастную критику, и опредѣливъ навсегда значеніе нѣкоторыхъ нравственно-сатирическихъ произведеній.

Душевное разстройство Дельвига произвело въ немъ апатію и равнодушіе ко всему. Онъ почти оставилъ литературныя занятія: ни въ газетѣ въ послѣдніе мѣсяцы 1830 года, ни въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ, не явилось ни одной строки Дельвига. Онъ даже почти не принималъ участія въ хлопотахъ по этимъ изданіямъ, несмотря на то, что Пушкинъ, еще не знавшій о происшедшемъ, общалъ ему свое дѣятельное участіе въ обоихъ изданіяхъ.

Въ первыхъ числахъ 1831 года Дельвигъ занемогъ простудою. Нравственные безпокойства усиливали развитіе болѣзни, которая скоро сдѣлалась опасною; но Дельвигъ перемогался, и, не заботясь о себѣ, находилъ возможность заботиться о другихъ. За нѣсколько дней до смерти онъ узналъ, что одна бѣдная дворянка, А. Б. Г., лишилась въ короткое время мужа и троихъ дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла здоровье и средства къ существованію. Дельвигъ съ М. Д. Деларю издали въ пользу ея двѣсти экземпляровъ стихотворенія Деларю «Сонъ и Смерть», напечатаннаго въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ (стр. 12—16). Въ предисловіи брошюры сказано, что «издатели почтутъ себя вполне награжденными за трудъ свой, если соотечественники примутъ участіе въ доставленіи дневнаго пропитанія несчастной спротивъ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ нихъ вѣроятно найдетъ въ своей совѣсти.» Эти строки были, какъ сказалъ Сомовъ въ рецензіи на эту книжку («Литературная Газета» 1831 г., т. III, № 4 стр. 33), прощальнымъ отголоскомъ сердца поэта, послѣднимъ произведеніемъ Дельвига,

писаннымъ уже въ припадкахъ жестокой болѣзни, за нѣсколько дней до кончины⁽⁸¹⁾.

Послѣднимъ произведеніемъ Дельвига въ «Литературной Газетѣ» былъ разборъ «Бориса Годунова» (т. III, №№ 1 и 2), прерванный мучительною болѣзною поэта, и писанный за нѣсколько дней до его смерти. Сомовъ, уже по смерти Дельвига, объявилъ имя автора этихъ неподписанныхъ статей, оставленныхъ безъ окончанія, «какъ прекрасное знаніе, недостроенное по смерти искуснаго зодчаго» (т. III, № 4). Дельвигъ скончался 14 января 1831 года, въ среду въ 8 часовъ вечера, имѣя отъ-роду 32 года 6 мѣсяцевъ и 8 дней⁽⁸²⁾. Послѣ него осталась дочь, которой тогда еще не исполнился годъ...

Неожиданная смерть Дельвига произвела тяжелое, грустное впечатлѣніе на всѣхъ окружавшихъ поэта. Его родные особенно затруднились увѣдомить объ этомъ несчастіи мать Дельвига, которая даже не подозрѣвала о его болѣзни, и, съ цѣлю приготовить ее постепенно къ этому удару, просили журналистовъ повременить извѣщеніемъ о его смерти⁽⁸³⁾.

Тѣло Дельвига погребено 17 января въ субботу на Волковомъ кладбищѣ (въ Петербургѣ). Стеченіе народа на печальномъ обрядѣ было довольно многочисленное.

Грустное впечатлѣніе, которое произвела смерть Дельвига въ литературномъ кругу вообще, высказалось во множествѣ стихотвореній и прозаическихъ статей, посвященныхъ его памяти.

Первою данью этой памяти были напечатанные въ первомъ по смерти Дельвига № (4) «Литературной Газеты» (замѣчательномъ по явившейся впервые подписи *Н. Гоголь*) нѣсколько строкъ «Къ гробу барона Дельвига» В. Туманскаго (стр. 32), *Некрологія* Дельвига, написанная П. А. Плетневымъ (стр. 31—32), и стихотвореніе Гнѣлича «На смерть барона А. А. Дельвига» (стр. 29). Гнѣличъ на-

⁽⁸¹⁾ Этотъ благотворительный поступокъ разсказанъ на основаніи того же источника и въ біографіяхъ Дельвига: въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (т. XVII, стр. 435) и въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній» 1840 года (выпускъ первый, стр. 44).

⁽⁸²⁾ Не напечатанный оффиціальныи рапортъ о смерти Дельвига и упоминавшіяся выше біографіи поэта. Въ статьѣ *Wspomnienie o Delwigu* (Воспоминаніе о Дельвигѣ) въ газетѣ «Tygodnik Petersburgski» 1831 года (część III, rok 2 wtorek 3 lutego стр. 66) сказано, что Дельвигъ скончался 16 января. Извѣстіе это невѣрно, какъ уже сказано въ «Библиографическихъ Замѣткахъ о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига (Отечественныя Записки 1853 года, № 6 годъ VII, стр. 144—145).

⁽⁸³⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

писалъ также двустипшя на погребеніе Дельвига. Послѣдній, во время опасной болѣзни Гибдича, самъ собирався написать стихи въ случаѣ его смерти; но «такъ не исполнилось», и Гибдичъ услышалъ надъ его ранней могилой

«Надгробный плачь Дружбы и Музы и Любви»⁽⁸⁴⁾.

Кромѣ этихъ и названныхъ выше произведеній въ «Литературной Газетѣ» по поводу смерти Дельвига явились слѣдующія: «Къ могилѣ барона Дельвига», стихотвореніе М. Д. Деларю (№ 6, стр. 47), «Б. С. М. А.—гъ» (Баронессѣ Софьѣ Михайловнѣ Дельвигъ), стихотвореніе его же (№ 12, стр. 96), переводъ отрывка изъ упомянутой выше статьи газеты «Tygodnik» «Wspomnienie o Delwigu» (№ 22, стр. 181); «Баронессѣ Елисаветѣ Антоновнѣ Дельвигъ», стихотвореніе барона Розена (№ 28, стр. 227); «Лизанькѣ Дельвигъ», стихотвореніе М. Д. Деларю (№ 31, стр. 252), и статья о «Бюстѣ Барона Дельвига» (№ 34, стр. 278), слѣбланномъ (изъ мрамора) по заказу вдовы поэта извѣстнымъ ваятелемъ Гальбергомъ⁽⁸⁵⁾.

Но болѣе всѣхъ былъ пораженъ смертью Дельвига Пушкинъ, находившійся тогда въ Москвѣ по случаю предстоявшей ему женитьбы. «Что скажу тебѣ, мой милый! (писалъ онъ къ П. А. Плетневу отъ 21-го января 1831 года.) Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ-конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиравалась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно

⁽⁸⁴⁾ Оба стихотворенія Гибдича помѣщены въ смирлинскомъ изданіи его сочиненій (стр. 156—157). Это взаимное условіе напоминаетъ слѣдующій случай, рассказанный намъ барономъ А. И. Дельвигомъ. Поэтъ въ послѣднее время жизни былъ друженъ съ семействомъ Левашевыхъ. Дельвигъ и Н. В. Левашевъ дали другъ другу обѣщаніе въ томъ, что первый, кто изъ нихъ умретъ, обязанъ явиться къ оставшемуся въ живыхъ. Левашевъ, не бывшій человѣкомъ восторженнымъ и совершенно забывшій объ этомъ, рассказывалъ, что спустя нѣсколько недѣль по смерти Дельвига, онъ увидѣлъ его, но испугался, и привидѣніе исчезло.

⁽⁸⁵⁾ Подлинный слѣпокъ этого бюста изъ обожженной глины (terra cotta) находится у В. П. Лангера.

Въ прошломъ году извѣстный любитель художествъ, г. Степановъ, издалъ въ числѣ бюстиковъ русскихъ писателей и бюстикъ Дельвига.

осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все. Вчера провелъ я день съ Н^{***}, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его *покойникъ* Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы»⁽⁸⁶⁾. Вообще всѣ письма Пушкина, въ которыхъ упоминалъ онъ объ этой потерѣ, проникнуты чувствомъ глубокой горести. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 31-го января онъ писалъ, между прочимъ: «Я зналъ его (Дельвига) въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣннаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковского, съ нимъ толковалъ обо всемъ, *что душу волнуетъ, что сердце томитъ*. Жизнь его богата не романтическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.» Пушкинъ, испытавшій въ это время самыя противоположныя ощущенія, писалъ къ тому же лицу отъ 24-го февраля, скоро послѣ своей женитьбы: «Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія»⁽⁸⁷⁾.

Такое же грустное чувство, та же скорбь о незамѣнимой потерѣ отражается и въ стихотвореніяхъ Пушкина. Воспоминаніе о Дельвигѣ не оставляетъ его нигдѣ. Вотъ онъ среди мраморныхъ боговъ, богинь и героевъ, въ мастерской ваятеля, описанной имъ въ стихотвореніи «Художнику» (вѣроятно, Гальбергу), но и въ родной ему сферѣ искусства поэтъ обращается воспоминаніемъ къ Дельвигу:

... въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ —
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя! Какъ бы гордился тобой!

(Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 131.)

⁽⁸⁶⁾ Письмо это напечатано въ «Современникѣ» 1838 года (т. IX) въ статьѣ «Александръ Пушкинъ» (стр. 63, откуда перепечатано и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ).

⁽⁸⁷⁾ Эти два отрывка напечатаны въ біографіи Пушкина въ «Современникѣ» 1838 года (т. X, стр. 45—46), и перепечатаны въ другихъ (упомянутыхъ выше) біографіяхъ поэта.

На праздник годовщины Лицея в кругу своих товарищей он также грустит о незабвенном друге. Вот отрывок из его «Лицейской годовщины», стихотворения, проникнутого невыразимой грустью и безотрадными предчувствиями, которым так скоро суждено было исполниться:

... Рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали.
И мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
На-вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.»

(Сочинения А. Пушкина, т. IX, стр. 158.)

Искренность своих воспоминаний о Дельвиге Пушкин доказал и на деле: он издал книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1832 годъ «въ пользу родныхъ своего друга». Оставаясь въ Москвѣ до мая, онъ тогда же приступилъ къ заготовленію матеріаловъ для альманаха⁽⁸⁸⁾. Сомовъ, по прежнему, принималъ участіе въ хлопотахъ по изданію. Вотъ нѣсколько словъ объ этомъ предпріятіи изъ письма его къ М. А. Максимовичу:

«Пушкинъ рѣшился на будущій годъ продолжать «Сѣверные Цвѣты» съ благою цѣлью. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ и великое челобитье:... Если у васъ есть что либо въ прозѣ, какой либо отрывокъ изъ вашей вдохновенной ботаники, то пришлите его намъ для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Да не видите ли вы съ Языковымъ? Нельзя ли умолить его, чтобъ онъ прислалъ

⁽⁸⁸⁾ Биографія Пушкина въ «Современникѣ» 1838 г. (т. X, стр. 46) и другія (упомянутыя выше) биографіи поэта.

намъ стиховъ и поболѣе, и поскорѣе, ибо «Сѣверные Цвѣты» непремѣнно выйдутъ въ свѣтъ къ 15 декабря...»⁽⁸⁹⁾

Эта восьмая книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», явившаяся въ свѣтъ въ концѣ 1831 года, посвящена не только по цѣли, но и по содержанию, преимущественно памяти Дельвига. Въ ней напечатаны пять стихотвореній Дельвига, найденныхъ въ бумагахъ поэта, именно: элегія «Къ Морфею» (стр. 4—5), сочиненная, какъ сказано въ предисловіи къ этимъ стихотвореніямъ, еще до 1824 года; «Сонетъ» къ русскому флоту (стр. 6), о которомъ упомянуто выше, написанный въ Ревель 1827 года, и остававшійся до самой кончины поэта неизвѣстнымъ даже для друзей его; двѣ «Русскія пѣсни» (стр. 7—8), изъ которыхъ одна не кончена, хранившіяся болѣе двухъ лѣтъ въ портфель поэта, который хотѣлъ еще отдѣлать ихъ окончательно, и «Отрывокъ» (стр. 9), заключающій въ себѣ хоръ духовъ изъ драмы, въ которой Дельвигъ «хотѣлъ дать полное развитіе свободной фантазіи.» Планъ драмы былъ уже набросанъ, и вмѣстѣ съ нимъ уцѣлѣло нѣсколько хоровъ, но большей части не конченныхъ.

Но, кромѣ стихотвореній самого Дельвига, о немъ напоминали въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и стихотворенія другихъ поэтовъ. Баратынскій говоритъ о немъ въ стихотвореніи «Мой элизій» (стр. 98):

«Не славь, обманутый Орфеей,
Мнѣ элизійскія селеня:
Элизій въ памяти моей
И не кропимъ водой забвеня.
Въ немъ мръ цвѣгущій старины
Умершихъ тѣни населяютъ,
Привычки жизни сохраняютъ
И чувствъ ея не лишены.
Тамъ живъ ты, Дельвигъ! тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечты.»

Языковъ въ слѣдующемъ стихотвореніи «А. А. Дельвигу» (стр. 184—186) изобразилъ характеръ поэзіи Дельвига и трогательныя воспоминанія о своей дружбѣ съ поэтомъ:

⁽⁸⁹⁾ Письмо это сообщено М. А. Максимовичемъ, который напечаталъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ любопытную статью «О жизни растений» стр. 133—149). Изъ стихотвореній Языкова въ той же книжкѣ помѣщены: «Пѣсня» (стр. 56—57), «Имъ» (стр. 79—80), «Безсонница» (стр. 103—104), «Къ Я—ъ Я—ъ» (Каролинѣ Карловнѣ Явишь, стр. 116—117), «И. В. К.» (Кирѣевскому, стр. 145—146) и «А. А. Дельвигу» (стр. 184—186).

„Тамъ, гдѣ картинно обгибая
Брега, одѣтые въ гранитъ,
Нева, какъ небо голубая,
Широководная шумитъ,
Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира
Для вдохновенья своего;
И независимая лира
Чужда была страстямъ земнымъ,
Звуча наитіемъ святымъ.

Любовь онъ пѣлъ: его напѣвы
Блистаи стройностью живой,
Какъ рѣзвый станъ и перси дѣвы,
Олимпа чашницы молодой.
Онъ пѣлъ вино простой и ясный
Восторгъ стихи одушевлялъ;
Они звѣнѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіалъ, цѣлующій фіалъ;
И дѣвы русскія пристрастно
Ихъ повторяютъ — и поэтъ
Счастливъ на много, много дѣтъ!

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душой и лирой древній Грекъ. —
Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Студентъ и русскій человѣкъ.
Тамъ быстро жизнь его младая
Разнообразна и свѣтла
Лилась. Тамъ дружба-удалая,
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И, на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмѣлемъ убрала
Веселость гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царственной Невы
Не разъ, не два ихъ приносили
Уста кочующей молвы.
И тотъ поэтъ чистосердечно
Ихъ гимномъ здравствовалъ своимъ.
Ужъ нѣтъ его. Главой безпечной
Отъ шума жизни скоротечной,

Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
Онъ перелегъ. Но лиры звонъ
Намъ навсегда оставилъ онъ.

Внемли же нынѣ тѣнь поэта
Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
Кому щедроты бога свѣта
Онъ въ добрый часъ предвозвѣстилъ.
Я счастливъ ими! Вдохновенья
Ужъ стали жизнью моею!
Прими сей гласъ благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Изъ милой памяти людей
Уйдутъ въ несносный мракъ забвенья,
Всѣ, всѣ!... Но лучшее одно
Да не погибнетъ: вотъ оно!»⁽⁹⁰⁾

Въ другомъ стихотвореніи, «Пѣсня» (стр. 56—57), Языковъ, опредѣляя въ нѣсколькихъ чертахъ характеръ жизни и поэзіи Дельвига, предлагаетъ его друзьямъ устраивать пиры въ воспоминаніе поэта:

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой,
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами;
Харить, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ кто зналъ разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто съ Музами дѣлил свое бездѣлье;
Кому любви прохладныя уста
Свѣтали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ его довольная мечта!

И въ честь ему, на будущія лѣта,
Не худо бы сей учредить обрядъ:
Порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта
Мы сходимся въ благоуханный садъ,
И тамъ поемъ любимый гимнъ поэта,
И до утра фіалы прозвѣнять!

Пусть видитъ міръ, какъ нашихъ поминаютъ,
Какъ иногда свирѣли звукъ простой

⁽⁹⁰⁾ Стихотвореніе это помѣщено и въ собраніи «Стихотвореній Н. Языкова», изданныхъ въ 1833 году (стр. 236—239).

Да скромный хмель и миртъ переживаютъ
 Побѣдный громъ и памятникъ золотой,
 И многіе, ужь за-одно, познають.
 Что называть мірскою суетой.» ⁽⁹¹⁾

Въ той же книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» напечатаны посвященныя памяти Дельвига два стихотворенія М. Д. Деларю: «Анео-логическое четверостишіе» (стр. 157) и «Лизанькѣ Дельвигъ» (стр. 180—181), и фантастическій рассказъ Сомова: «Живой въ обители блаженства вѣчнаго» стр. 296—304). Кромѣ того являлись въ разное время статьи и отрывочныя сужденія о стихотвореніяхъ Дельвига; но объ нихъ будетъ сказано въ слѣдующей статьѣ при разборѣ сочиненій поэта.

⁽⁹¹⁾ Это стихотвореніе перепечатано въ изданномъ въ 1833 году собраніи «Стихотвореній Н. Языкова» (стр. 181—182). А. Д. Галаховъ видитъ въ этой пѣснѣ «отзывъ поэта о самомъ себѣ» (Полная Русская Хрестоматія, изданіе шестое, стр. 174). Позволяемъ себѣ замѣтить, что мнѣніе это неавѣрно: «Пѣсня» написана въ воспоминаніе о Дельвигѣ, и доставлена въ альманахъ вмѣстѣ съ приведеннымъ выше стихотвореніемъ Языкова, что подтвердилъ намъ и М. Д. Деларю, принимавшій близкое участіе въ изданіи послѣдней книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Онъ сообщилъ намъ также, что изъ двухъ стихотвореній Языкова Пушкинъ отдавалъ преимущество «Пѣснѣ».

В. ГАЕВСКИЙ.